

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

МОЛОТ
ПОГРАНИЧЬЯ

Валерий Пылаев
Молот Пограничья. Книга II
Серия «Молот Пограничья», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73974267

Аннотация

Порой интриги похожи на кинжал без рукояти, который режет своего же хозяина. Тот, кто посмел тронуть мою семью, отправился к Праматери, а я выжил и стал лишь сильнее. И пусть до могущества Стража еще далеко, моя дружина растет, а родовое имя больше не напоминает дюжину полуразвалившихся сараев.

Победа? Нет, всего лишь передышка. Вряд ли соседи так легко откажутся от своих планов. И пока на моей стороне лишь одно крохотное преимущество – вряд ли хоть кто-то на Пограничье верит, что юный князь Костров сумеет вернуть силу почти угасшему роду.

Но я докажу, как сильно они ошибаются.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	43
Глава 5	61
Глава 6	74
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Валерий Пылаев

Молот Пограничья.

Книга II

Глава 1

– Обходи его, обходи! Ванька! – Боровик разве что не повис над краем тренировочной площадки, высунувшись за ограду по пояс. – Он не туда смотрит! Ну-у-у!

Я усмехнулся и покачал головой, отступая. Только командира еще не хватало!

За проведенные на Пограничье недели Основа переработала достаточно маны, чтобы укрепить тело и понемногу подтянуть его к кондициям, которые хоть самую малость напоминали прежние. Сила возвращалась – чтобы уже совсем скоро выйти за доступные даже Одаренным пределы. И остаться там навсегда, а не только в короткие мгновения, когда первородное пламя внутри превращало меня в почти неуязвимого сверхчеловека, способного голыми руками остановить таежного огневолокна.

Или разрубить человека надвое одним ударом.

Я стал крепче, научился лучше управляться с оружием и собственными конечностями – но и гридни не отставали.

Буквально за неделю Боровик с Жихарем превратили Седого с сыновьями из лесных охотников в толковых бойцов. И явно не собирались останавливаться на достигнутом.

– А ты что стоишь? – рявкнул старик, подпрыгивая. – Помогай!

– Сейчас... Не суетись, – отозвался Рамиль.

Полина в очередной раз сотворила чудо, и здоровяк полностью оправился от раны.

Так что теперь с ним придется повозиться.

Я скользнул назад, разрывая дистанцию, и прокрутил в воздухе вырезанным из дерева молотом. Раньше сыновья Седого больше мешали друг другу, пытаясь напасть одновременно, но теперь действовали слаженно, как детали одного механизма: чуть разошлись в стороны, обступая меня с флангов, и почти синхронно двинулись вперед, поднимая оружие. Один – топор и небольшой щит, второй – здоровенный меч.

Сил Василию было не занимать, так что оружие обычного размера казалось ему несерьезным. Или парень просто отчаянно хотел подражать Рамилю – самому рослому из всей дружины, который всегда выбирал на тренировках деревяшки посолиднее.

Первым напал младший: рванул вперед, в два шага сокращая расстояние, прикрыл плечо щитом и рубанул крест-накрест. Осторожно, с дистанции – без особой надежды зацепить, скорее чтобы дать отработать брату. Я снова отступил,

одновременно закручивая по площадке влево, чтобы уйти от ударной руки и заодно не подставиться под меч, которым Василий с каждым днем орудовал все проворнее.

Иван все сделал правильно – сразу после выпада ушел в глухой блок: чуть согнулся, пристроив лезвие топора на край щита. Но сил все-таки не хватило. Я ударил без лишних изысков – ткнул, выбрасывая молот сразу на длину руки и добавляя его массе свою поворотом корпуса. Дерево жалобно хрустнуло, и парня отшвырнуло и протащило по земле лопатками несколько шагов.

От первого противника я избавился – но осталось еще трое. И двое из них атаковали одновременно. Василий в лоб, явно разозлившись из-за быстрого и бесславного поражения брата, а его отец – с фланга. И Седого я, пожалуй, опасался куда больше: он не делал особых успехов в фехтовании и традиционных утренних забегах на пару-тройку километров и к тому же давно не мог похвастать молодостью и выдающейся силой мышц, зато в тактике кое-что смыслил. И опыта рукопашных боев наверняка имел втрое больше, чем у обоих его сыновей, вместе взятых.

Вот и сейчас Седой не лез на рожон, а осторожно заходил сбоку. Пригнувшись, чуть ли не стелясь к земле. Явно выжидал момент, когда здоровенный сынок примется трамбовать меня размашистыми ударами. Чтобы рывком подбраться вплотную и ткнуть в ребра одним из коротких деревянных клинков. Даже оружие выбрал соответствующее –

два кинжала. Матерый искатель явно не собирался выписывать пируэты, плясать и демонстрировать чудеса владения хитрыми приемами. Зато был опасен одновременно и справа, и слева, и мне оставалось только догадываться, когда он отважится на прыжок.

Который я чуть не прозевал, засмотревшись на Василия. Парень как раз выдавал такую «мельницу», что полтора килограмма дерева гудели в воздухе не хуже смертоносной стали. В умелых руках даже тренировочное оружие запросто ломает кость, так что я на мгновение упустил Седого из виду.

И лишь краем глаза успел увидеть, как он рванул вперед, на ходу заваливаясь на одно колено и выбрасывая руку с кинжалом. Василий атаковал одновременно с отцом: шагнул вперед и рубанул. Наискось справа, лихо, на всю длину деревянного меча, чтобы я уж точно не успел отступить. Обычный человек, да еще и вооруженный неповоротливым молотом, непременно угодил бы под один из двух клинков... Точнее, из трех – списывать со счетов второе оружие Седого определенно было рановато.

Кинжал прошел буквально в волоске от моего колена. Основа вспыхнула, сжигая ману, ускоряя тело и придавая движениям запредельную для простого смертного точность. Увернувшись от выпада, я нырнул под свистнувший в воздухе меч и зацепил Василия чуть ниже колена рукоятью молота. Парень стоял крепко, но на ногах все же не удержался –

покосился и рухнул, накрывая собой отца. Седой выругался и попытался было встать, чтобы продолжить схватку.

Но не успел.

– Даже не думай. Раз! – усмехнулся я, легонько ткнув его наверху молота в грудь. И заодно стукнул в бок и Василия – на тот случай, если у него тоже имелись сомнения в моей победе. – Два.

Рамиль остался один. И, видимо, решил не тянуть. Не примеривался, не выплясывал напротив с любимой секирой, даже не ходил кругами – напал сразу. То ли уже смирился с неизбежным исходом, то ли все-таки попробовал застать меня врасплох. И, конечно же, не успел: я встретил могучий удар, подставив древко молота, и на несколько мгновений мы замерли.

Рамиль напрягал все силы, пытаясь задавить если не умением, то хотя бы габаритами. Я весил раза этак в полтора меньше, и когда подошвы моих ботинок с тихим шорохом заскользили по земле, в темных глазах на мгновение мелькнула надежда.

И тут же погасла. Усмехнувшись, я с легкостью оттолкнул нависавшую над головой секиру, а потом выпустил из рук молот, присел, подхватил под колено и за ворот рубахи и молниеносным движением поднял сто с лишним килограмм мышц. Ноги Рамиля оторвались от земли, и здоровяк сердито запыхтел, пытаясь вырваться.

– Осторожнее... – простонал за спиной кто-то из сыновей

Седого. – Так ведь убить можно.

В последний момент я все-таки сжалился: не швырнул беднягу на землю, а аккуратно опустил, лишь слегка приложив боком. Победа победой, но полноценный бросок, да еще и в горячке боя, запросто мог стоить Рамилю пары сломанных ребер и нескольких часов в компании Полины.

– Да уж, – сокрушенно вздохнул Боровик. – Князя вам пока не одолеть... А я говорил – разом надо, со всех сторон!

– А как? – проворчал Василий, потирая ушибленные ребра. – Он же прыткий, что твой заяц, а силищи – как у медведя. Благородная кровь, не простой человек.

– Одаренные – такие же люди, – ответил я вместо старика. – Мы тоже уязвимы. У нас тоже всего две руки и два глаза.

– И на затылке столько же, ваше сиятельство. – Седой схватил сына за руку и поднялся с земли. – Все замечаете – попробуй обмани.

– Значит, надо осторожнее. Обходить, лишний раз не подставляться... Ладно! – Я махнул рукой. – Завтра продолжим. А сейчас бегом умываться и через пять минут – стройся!

Вторая неделя сентября подходила к концу, и припозднившаяся на Пограничье осень понемногу вступала в свои права. Но днем все равно еще бывало жарко – особенно когда приходилось бегать по холмам вокруг Гром-камня или тренироваться с дружиной, сражаясь в одиночку против троих, четверых или всех сразу. Пока остальные толклись у душевых в гриднице, я прошелся до кузни, на ходу стащив че-

рез голову мокрую от пота рубаху, подхватил с земли ведро и окатил верхнюю половину туловища. Вода вцепилась в кожу острыми коготками холода, зато усталость тут же смыло вместе с пылью.

Мелькнула мысль немного повозиться с контуром или прогуляться до подземелья господского дома, чтобы полетать по окрестностям, но сегодня гридни управились быстрее обычного: не успел я вытереться и натянуть свежую рубаху, как они уже стояли в шеренгу вдоль края тренировочной площадки. Плечом к плечу. Без штучеров, но в начищенных до блеска ботинках и портупее. И облаченные в новенький, только-только привезенный из Тосны камуфляж. Не последнего образца, в котором щеголяла дружина из Гатчины и Извары, а чуть постарше. Мы с дядей рассудили, что темно-зеленая рябь с желтыми и коричневыми вкраплениями для осени в Тайге годится лучше. Крой слегка напоминал солдатские кителя – старые, чуть ли не тридцатилетней давности, зато среди деревьев и травы эта форма маскировала куда лучше, чем новомодные куртки и штаны зубовских.

Да и стоила вдвое дешевле – а об этом пока еще приходилось думать.

Гридней было восемь – не считая дозорных на заимке и оставшегося в тени господского дома Боровика, который совмещал службу с работой плотника и поэтому в последнее время одевался как попало, чтобы ненароком не испортить обновку. Я неторопливо прошелся перед строем, зало-

жив руки за спину, и думал даже приободрить свое уставшее войнство небольшой речью.

Но сказать так ничего и не успел. За деревьями послышался шум мотора, потом в воздухе повис протяжный гудок, и через несколько мгновений из-за гаража за машиной Громкамня показалась морда грузовика. Видавшая виды техника выплонула из трубы за кабиной черный дым, взревела и неторопливо покатила в нашу сторону.

А следом за ней – еще две таких же машины, доверху груженные бревнами и досками.

– Ух-х-х... И кого там черт принес? – Боровик подслеповато прищурился и прикрыл глаза рукой от солнца, разглядывая лесовозы. – Откуда их столько?

Я с удовольствием задал бы тот же вопрос. Благо было кому: Жихарь куда-то испарился еще до завтрака, отсутствовал полдня, прогуляв тренировку, а теперь вдруг появился с целой колонной и махал мне сквозь стекло кабины.

– Ваше сиятельство! – радостно завопил он, на ходу выпрыгивая из грузовика. – Ваше сиятельство, не извольте ругаться!

– Ругаться буду потом. За все и сразу. – Я сложил руки на груди. – Сначала рассказывай, что это такое.

– Это? Так с лесопилки же – бревна, доски... – Жихарь растерянно оглянулся. И, снова заулыбавшись, принялся пояснять: – Его сиятельство Ольгерд Святославович велел.

– Да это как раз понятно – больше-то некому. Велел... –

Я задумчиво прошелся взглядом по грузовикам. Деревя на них был столько, что стальные пластины рессор под кузовами почти распрямились от веса. – И куда нам столько? И чем платить за такое богатство?

– А платить, ваше сиятельство, не надо, – отозвался Жихарь.

– Это уж мне виднее. И так долгов хватает. – Я поморщился. – Но не обратно же отправлять... Ладно, сходи к Полине, возьми, сколько надо, и отвези.

– Никак нет, ваше сиятельство. Ольгерд Святославович велел передать: мол, я сам Игорю Даниловичу теперь по гроб должен. Пусть забирает, ему сейчас на строительство много надо. Больше нечем – значит, хоть так помогу. А если будет отказываться – обижусь сильно. И лично приеду бока намять – не посмотрю, что князь! – Жихарь заметил мой суровый взгляд и поспешил уточнить: – Ну, это он так сказал... И в гости зовет, ваше сиятельство. Жду, говорит, с нетерпением!

– Матерь с вами. С обоими. – Я улыбнулся, разворачиваясь к дружине, вытянул руку в сторону коровников под горой и уже во весь голос рявкнул: – Значит, так: переодевайтесь в рабочее и выгружайте вон там! Потом разберемся, что со всем этим делать.

– Да ясно что, ваше сиятельство, – строить надо. – Доселе молчавший Боровик подскочил ко мне, оттирая плечом Жихаря. – Только людей не хватает. Мне еще бы хоть пару рукастых...

– Зачем? Сам же говорил – троих достаточно.

– Так это когда было. А теперь сами видите, сколько нам леса навезли. Это обтесать, напилить надо, потом сложить... – Боровик запустил пятерню в длинную седую бороду. – Внутри-то можно хоть зимой доделать, хоть когда – хлеба не просит. А сруб надо до холодов ставить и конопатить. И крышу, ваше сиятельство, тоже надо. Недели через две уже дожди начнутся, а под дождем – какая работа?

– Какая... Не очень работа, – вздохнул я, представив, насколько «похудеет» казна Гром-камня, когда мы закончим хотя бы с самым необходимым. – Двух человек – бери. Но не больше. А бревна таскать, если что, я и сам могу.

– Да как можно, ваше сиятельство? – В голосе Боровика прорезалось смущение, будто старику вдруг стало стыдно за собственную настырность. – Не дело князю...

– Не дело князю без работы сидеть, пока другие пашут, – отрезал я. И развернулся к дому. – Ладно, принимай тут все, а я пока с Олегом Михайловичем... побеседую.

Дядя стоял на крыльце уже минут пять. И терпеливо ждал, хоть наверняка тоже был не против заполучить меня и нагрузить каким-нибудь запредельно важным вопросом.

– Смотрю, осваиваешься уже. Командуешь, распоряжаешься, – усмехнулся он, когда я поднялся по ступенькам. – Прямо настоящий князь.

Я так до конца и не понял, что дядя имел в виду. Точнее, чего хотел – то ли похвалить за хватку и успехи в делах, то

ли намекнуть, кто тут на самом деле старший Костров, пусть даже и без титула, Основы и сверхчеловеческих способностей Одаренного.

– Что, ревнуешь? – Я прищурился. – Или без меня лучше было?

– Без тебя... Да никак без тебя не было, Игорек. – Дядя отвел взгляд. – В Гром-камне Костров должен сидеть. Настоящий князь, а не... В общем, сам понимаешь.

– Костровых тут теперь два. – Я потянул на себя дверь и ступил через порог. – А точнее – даже пять, если всех сосчитать.

– Да я не о том. Род без князя – он ведь как курица без головы. Побегать, может, и побегает, только недолго. – Дядя шагнул следом. – А потом загнется. И поэтому наследник нужен правильный. Одаренный. Катюшка с Полиной стараются, как могут. И Анна Федоровна еще в силе пока, но это все равно не то. Их сама земля не примет. Теперь понимаешь?

– Честно – не очень, – признался я.

– Ну так по сторонам-то погляди. – Дядя шагнул к ближайшему окну и чуть оттянул занавеску вправо. – Костровы на этом холме уже, считай, тысячу лет сидят. И когда отец твой погиб, в сосен хвоя желтеть начала. Трава все лето, считай, еле росла. А как ты появился – так поперла, что теперь знай коси!

– Верно. – Я посмотрел сквозь стекло наружу – туда, где

кто-то из прислуги как раз воевал с сорняками у фундамента гридницы. – А я думал, это у вас просто осень такая на Пограничье... яркая.

– Не просто, – буркнул дядя. – Проснулась усадьба, а за ней и Отрадное, и вся вотчина потянется. Не зря, выходит, я тебя из Новгорода сюда привез. На родной земле и Дар совсем другой становится – как бы не вдвое крепче. Может, ты пока не чувствуешь, но я-то вижу. Вчера, помнится, заглянул в подвал, – дядя посмотрел вниз и легонько топнул ногой по полу, – а там жив-камень в алтаре весь переливается. Так светит, что аж с лестницы видно. Сильный в тебе аспект, Игорек, хоть и не наш обычный.

Я молча улыбнулся. Вряд ли дядя сумел бы понять принцип работы трехкомпонентного энергетического контура – до этих знаний даже сильнейшим из местных ученых умов еще оставалось лет пятьсот, не меньше. Но суть понял верно: магия Гром-камня понемногу подзаряжалась от первородного пламени и с каждым днем становилась все сильнее.

– Ну да ладно. Это все так, само собой происходит. – Дядя махнул рукой и поинтересовался: – А ты-то что делать собираешься?

– Думал переодеться. – Я взглянул на лестницу наверх. – Потом взять твоего «козлика» и Жихаря с Рамилем и за Неву прокатиться. Давно в Тайге не был – мало ли что там за это время случилось. Заимку проведать надо бы. Дозорных сменить.

– Думал, значит, – повторил дядя, слегка нахмурившись. – А теперь чего думаешь?

– Теперь думаю, что надо Ольгерда Станиславовича навесить. Он, конечно, мужик хороший и правильный, но просто так три грузовика отправлять не стал бы. Там одного бензина сожгли прилично, я уж про сами бревна не говорю. – Я снова посмотрел в окно, провожая взглядом укатившие к коровнику под холмом машины. – И в гости зовет не просто так.

Глава 2

– Игорь, я... – Горчаков чуть сдвинул брови. – В общем, спасибо, что приехал.

– А как тут не приехать, Ольгерд Святославович. – Я пожал плечами. – Соседям надо помогать. Вы же помогаете.

Всю дорогу от Ижоры, куда я заявился на одном из лесовозов, мы почти не разговаривали. Перекинулись разве что парочкой ничего не значащих фраз: про погоду, про осень в Тайге – даже не вспомнили мой поединок с Мамаевым, хотя о нем наверняка болтало все Пограничье. Слухи летели чуть ли не быстрее пули, выпущенной из штуцера, и уже до Отрадного история дошла в настолько измененном виде, что я и сам бы не поверил, что был ее непосредственным участником, – если бы не взгляды местных, одновременно восхищенные и боязливые.

Фантазия рассказчиков уже пририсовала мне огонь в глазах, огромные мускулы и полный набор фамильных татуировок – как у дяди.

Впрочем, Горчаков лично был всему свидетелем, так что в подробностях уж точно не нуждался. Он наверняка позвал меня в гости вовсе не для праздных бесед... но почему-то всю дорогу молчал. И только когда его внедорожник свернул с грунтовки к реке, на которой стояла лесопилка – наконец заговорил.

– Да это я так... – Горчаков махнул рукой. – Мой род у тебя в долгу – и не знаю, смогу ли я выплатить его хоть когда-нибудь.

– А я, в свою очередь, и не жду какой-то особенной благодарности, – усмехнулся я. – Но раз уж появился повод навестить вас лично – почему бы им не воспользоваться?

– Ты это... Не подумай, что я это нарочно, – хмуро отозвался Горчаков. – Чтобы тебя сюда затащить поскорее.

Старик наверняка кривил душой... слегка. Или даже не очень слегка: щедрое и, что куда важнее, своевременное подношение не то чтобы сразу делало меня должником, однако по меньшей мере обязывало нанести визит вежливости. Горчаков, хоть и строил из себя простака, достаточно смыслил в этикете. И ждал меня со дня на день.

Но теперь, когда я явился, – никак не мог заставить себя перейти к делу.

– Да ладно уж вам, Ольгерд Святославович. – Я с улыбкой взялся за ручку на двери. – Нарочно, не нарочно... Все ж мы люди. А если у вас чего-то стряслось – так говорите сразу. Не просто ж так мы сюда приехали.

Горчаков глянул на меня исподлобья и протяжно вздохнул. Его явно бы куда больше устроило, случись этот разговор чуть позже и как бы невзначай, однако я тянуть не собирался. Хотя бы потому, что упрямый и гордый старик вполне мог ограничиться бесполезными расшаркиваниями.

А дело у него было серьезное – иначе бы не сидел всю

дорогу как на иголках.

– Даже сильному не стоит стыдиться просить помощи, – глубокомысленным тоном изрек я, выбираясь из машины с ножнами в руках. – Тем более – у друга.

Такое обращение явно понравилось Горчакову больше, чем по имени-отчеству или даже учтиво-доброжелательное «сосед». Он кивнул, заулыбался и будто бы слегка выдохнул. Впрочем, ненадолго – стоило нам пройти несколько шагов вдоль реки, как его лицо снова помрачнело.

– Тут, Игорь, понимаешь, какое дело... Странное, – проговорил он. Медленно, осторожно подбирая каждое слово. – Пойдем покажу. Только лесопилку сначала проверим.

Судя по звукам, доносившимся из здорового сарая с просевшей крышей, работа уже шла полным ходом. Прямо перед ним река чуть сужалась, упираясь в плотину в семь-восемь метров шириной, за которой вода срывалась вниз плотным потоком. Перепад высоты оказался совсем небольшой, и все же его было достаточно, чтобы вращать огромное деревянное колесо. Которое, похоже, и приводило в действие маховик и прочие механизмы внутри.

За ветхими стенами что-то перекатывалось, то и дело громыхая, и металл вгрызался в бревно без особой спешки – мерно и чуть прерывисто, со странным характерным звуком, который одновременно казался и монотонным, и живым. На мгновение я даже успел подумать, что вместо вала и какой-нибудь шестеренчатой передачи там сидит великан

и орудует пилой в два моих роста...

Ну, или несколько великанов.

Архаичный механизм. Немыслимо древний, как легенды о конунгах и ледяных гигантах, и такой же надежный. Хотя бы потому, что ломаться в нем было, в сущности, и нечему. Горчаков получил лесопилку в наследство от отца. Тот – от своего отца... И ни один из ижорских князей, похоже, так и не озаботился модернизацией кормилицы рода.

Лет этак за пятьдесят-семьдесят – примерно на столько выглядели плотина, колесо, сам сарай и постройки вокруг.

– А чего электричество не протянете? – поинтересовался я. – У Белозерского в Новгороде две угольных станции. Да и тут, поближе, на Луге казенная стоит...

– А ты посчитай, сколько тут до Луги. Да и от Ижоры – километров семь, получается. Столбы ставить, провода, трансформатор... – Горчаков недовольно нахмурился, но продолжил уже спокойно: – Дорого, Игорь. Да и страшно все это трогать, если честно. Пока работает, а начнешь делать – развалится.

Я бы не поленился намекнуть, что лесопилка и так может рухнуть чуть ли не в любой момент, но вряд ли меня позвали сюда обсуждать электрификацию и прочие перспективы развития соседской вотчины. На эту роль куда лучше бы сгодились дядя, Полина или даже Жихарь – с его-то неумемной энергией.

Однако старик желал видеть меня.

– Давай-ка за Славянку пройдемся, – проговорил он. – Прямо по плотине. Только аккуратно, тут хлипкое все – ногу не сломай.

Древняя конструкция действительно скрипела при каждом шаге, однако без труда выдержала и меня, и гиганта Горчакова, и через несколько мгновений мы сошли на тот берег реки. Рабочие – два голых по пояс загорелых мужика – помахали нам со стороны лесопилки и снова потащили к сараю здоровенное бревно, не дожидаясь ответа. Видимо, в последнее время хозяин бывал здесь нередко.

Интересно – зачем?

– Опять заросло все. – Горчаков достал из петли на поясе топор и принялся на ходу рубить молодые деревца, расчищая дорогу. – Тайга близко, в земле силы много – поэтому и прет, как не знаю что... Месяц назад тут, считай, как поле было.

Я огляделся по сторонам. Место действительно казалось почти диким, хотя рабочие с лесопилки – а может, и сам старик с дружиной – наверняка регулярно срезали тут всю поросль подчистую. Когда мы чуть отошли от берега и шум реки со скрипом колеса стихли за спиной, лес тут же навалился со всех сторон. И единственным, что еще напоминало о присутствии здесь человека, осталась дорога. Даже не полноценная грунтовка, а, скорее, широкая тропа, по которой смог бы протиснуться разве что не самый большой внедорожник, но уж точно не грузовик.

– Тут-то лес не валят почти – одна осина. Ну, еще ольха с

березой попадаются, – пояснил Горчаков, легонько стукнув рукоятью топора по стволу справа от дороги. – За сосной дальше ехать надо, вниз по течению. К самой Тайге.

– Понятно, – кивнул я. – А здесь мы тогда, получается, чего забыли?

– Скоро увидишь. Тут недалеко.

Судя по мрачной и недовольной физиономии, старику несколько не хотелось даже разговаривать – и уж тем более заниматься всеми этими делами. Но я уже успел прикинуть, где мы находимся, и, кажется, понемногу начинал соображать, что именно может твориться в лесу за Славянкой, буквально в паре километров от границы с вотчиной Зубовых.

И оставлять это без внимания, пожалуй, не стоило.

– Стой. – Горчаков осторожно поймал меня за рукав камуфляжной куртки и принялся оглядываться по сторонам. – Да куда ж она подевалась?

И будто в ответ на его слова где-то неподалеку раздался едва слышный свист, за которым тут же последовал торопливый хруст веток. Молодая поросль у дороги впереди расступилась, и нам навстречу вышла знакомая фигурка в охотничьем костюме.

Том же самом, что и в день нашей первой встречи, – только на этот раз Елена закатала рукава чуть ли не по локоть. Видимо, бродить по лесу в солнечный день оказалось слишком жарко.

– Доброго дня, ваше сиятельство! – Я изобразил учтивый

поклон. – Не ожидал вас здесь увидеть.

– А где же мне еще быть? – улыбнулась Елена. – И можешь называть меня на «ты». Отец не станет возражать.

Я тоже не возражал. Но все-таки не удержался от соблазна шагнуть вперед, поймать неожиданно прохладную руку и легонько приложиться к ней губами, еще раз поклонившись. Не знаю, что там насчет местных нравов, но князю, главе рода и выпускнику новгородского кадетского корпуса положено вести себя... как положено – вне зависимости от места и ситуации.

Этикет есть этикет – даже в Тайге.

Сама Елена ничего против не имела. И не спешила убирать руку, разве что слегка покраснела. А вот Горчакова мои расшаркивания, похоже, впечатлили совсем не в нужную сторону.

– Ну хватит вам любезничать, – буркнул он. – Пойдем, а то уж скоро темнеть начнет.

– Пойдем. – Я поправил висевшие на спине ножны с Разлучником. – Может, наконец, расскажете, что тут у вас случилось?

– Рабочие видели людей у лесопилки. Вооруженных, – уточнила Елена. – И я нашла следы ботинок на берегу.

– Шастают хмыри какие-то. – Горчаков нахмурился и чуть прибавил шаг. – Человек пять-шесть. Лезть пока никуда не лезли, но после того, как конюшню подпалили... Сам понимаешь.

Я молча кивнул. Сложить два плюс два было несложно: неведомые злодеи не поленились пройти через Тайгу до самой Ижоры, чтобы поджечь усадьбу. А лесопилка стояла куда дальше от князя и его дружины – да еще и совсем близко к границе, которая разделяла вотчины.

– Думаете, это зубовские приходили? – спросил я.

– В том-то и дело, Игорь, что им здесь вроде как и делать нечего. До Кузьминки еще с километр идти, и там моста нет, вброд если только. – Горчаков на мгновение смолк, задумываясь. – Далеко больно. И тогда бы с дороги шли, которая на Гатчину, а не здесь.

– Там хутор стоит. – Лена вытянула руку прямо вперед, но потом поправилась и указала чуть правее. – У самой Тайги, но на нашей земле.

– На нашей, а десятину месяца два как не платят, – проворчал Горчаков. – Можно и к ним заодно наведаться, узнать...

Договорить старик не успел: впереди послышался лай, и я увидел, как из зарослей показался уже знакомый мне белый мех. Похоже, Астра учуяла что-то на дороге, и теперь настырно лаяла, призывая хозяйку.

– Да тише ты... Что такое? – Елена взяла собаку за ошейник и чуть отодвинула в сторону. – Дай посмотреть.

– Ну ничего себе, – усмехнулся я, опуская на корточки. – Это что ж за негодяи такие, что по лесу босиком гуляют?

– Это не человеческий след. – Горчаков уселся рядом со

мной. – Смотри – тут когти видно. Медведь прошел.

Теперь, когда я получше рассмотрел здоровенную вмятину на влажной грязи, стало ясно, что она только похожа на отпечаток босой ноги. Здоровенные пальцы того, кто шел здесь, действительно были с когтями, а сама стопа – куда шире человеческой, однако к пятке сужалась, из-за чего след напоминал по форме треугольник. Да и размера оказался такого, что я без труда поставил бы в него ботинок... И Горчаков бы поставил.

С его-то сорок восьмым размером.

– Здоровый... – проговорила Елена, коснувшись края отпечатка кончиками пальцев. – Не обычный зверь.

– Да ясное дело, что не обычный. – Горчаков поморщился, будто ему под нос сунули что-то не слишком ароматное. – От него Смертью за версту веет.

Прикрыв глаза, я тоже попытался нащупать аспект, и Основа недовольно отозвалась – похоже, магия неведомой полумертвой твари пришлась ей не по вкусу.

– Это он из Тайги пришел? – догадался я. – И часто у вас такие звери тут бродят?

– Вообще не бродят. Медведь старый, разряд на четвертый точно потянет. Большой, охотиться уже тяжело – такие обычно в самой чаще сидят и падалью отжираются... А тут на тебе, вылез. – Горчаков снова скривился. – Автоматоны, драки в Тосне – мне будто снова двадцать лет исполнилось.

– Помолодели, значит, – усмехнулся я. – Нравится?

– Да что-то не очень. Думал, хоть помру в тишине и покое.

А тут опять такое началось...

– Тихо! – Елена вдруг подняла сжатую в кулак руку. – Слышите?

Где-то неподалеку раздались голоса. Сначала женский, а потом и мужской. Слов я разобрать не смог, но они явно о чем-то спорили – примерно в сотне метров отсюда.

– Давайте-ка уйдем с дороги. – Горчаков взял меня за плечо и осторожно потянул. – На всякий случай.

Пробираться через заросли оказалось куда сложнее, чем шагать по тропе, однако через пару минут впереди показался просвет, а потом я разглядел среди деревьев сначала крышу дома, а потом еще несколько зданий поменьше. Хутор явно не отличался ни размерами, ни каким-то особым богатством, однако народу здесь, похоже, жило немало.

– Машина стоит, – прошептала Елена, пригибаясь. – Откуда взялась?

– Приехали... – Горчаков шагнул вперед и укрылся в тени здорового дуба, который рос чуть ли не у самого края поляны, окружавшей хутор. – Без шевронов, форма старая – не иначе вольники.

Я насчитал три фигуры в сапогах и выцветшем камуфляже. Без оружия, только у одного на поясе болталась кобура с револьвером. Штуцера они, похоже, оставили в доме. Один искатель болтался у сарая с папиросой в зубах, а двое других о чем-то активно спорили с местными – женщиной в цвета-

стом платке и мужчиной в грязной белой майке и штанах с вытянутыми коленками.

Хозяева... и гости – только звал ли их сюда кто-нибудь? Ситуация складывалась деликатная. Настолько, что я, кажется, уже начал догадываться, почему Горчаков решил позвать меня, а не дойти до хутора с дружиной.

– Ты их знаешь? – тихо спросил я, коснувшись локтя Елены.

– Женщину – да. Мужика тоже вроде встречала... А вольников в первый раз вижу.

– Ясно. – Я сбросил ножны с Разлучником с плеча. – Пойдем поздороваемся?

Горчаков явно не пришел в восторг от моей прямолинейности, однако возражать не стал, и через несколько мгновений мы с ним уже шагали к хутору среди деревьев, не скрываясь.

Заметили нас быстро: искатель с папиросой первым вытаращился, вытянул руку, и всех будто ветром сдуло. Последним в доме скрылся мужик в майке, утаскивая за собой женщину. Та упиралась, то и дело озираясь, однако тоже исчезла за дверью.

Хутор словно опустел – но я почти физически чувствовал, как сквозь стекла окон за нами следят осторожные и внимательные глаза... а может, и стволы штуцеров.

– Эй! – позвал я, сложив руки рупором. – Что у вас тут такое творится? И кто главный?

Сначала никто не ответил, но потом занавеска в полуоткрытом окне шевельнулась, и из-за нее послышался басовитый гнусавый голос.

– А кто спрашивает?

– Князь Костров! – Я покосился на своих спутников. – И князя Горчаковы – хозяйева этих земель!

– Передай своим князьям, чтобы шли куда подальше, пока целы. У нас тут хозяев нет!

Вольники явно не собирались с нами любезничать. Они то ли никогда еще не видели в деле Одаренных, то ли слишком уж поверили в крепость стен и силу оружия: еще два окна в доме дружно распахнулись, и наружу высунулись блестящие сталью и латуною стволы.

– Мать... – Горчаков накрыл ладонью рукоять топора. – Они что там, совсем страх потеряли?

Его движение явно заметили. Когда занавеска дернулась и в воздухе что-то негромко свистнуло, я едва успел поймать Елену за плечи и толкнуть к ближайшему дереву. Раздался глухой удар, и арбалетный болт по середине ушел в кору в полуметре от моей головы.

– Потеряли страх? – прорычал я, рывком доставая из ножен меч. – Ничего, сейчас вместе поищем!

Глава 3

Не знаю, рассчитывал ли хоть кто-то здесь – включая меня самого – просто поговорить, но теперь вариантов осталось немного. Когда в тени под деревьями вспыхнул огненный клинок, нервы у вольников сдали окончательно. Выстрелы раздались одновременно из дома и со стороны небольшого сарая, и в воздухе сердито засвистели пули. Тяжелые кусочки свинца барабанили по стволам, раскидывая во все стороны щепки и ошметки коры.

Стреляли вольники неплохо – нам пришлось укрыться за деревьями. Я перебросил меч в левую руку и потянулся было к кобуре, но не стал даже расстегивать – без толку. Никогда не любил короткоствол, а воевать с револьвером против трех или четырех многозарядных штуцеров – так себе затея.

К счастью, у меня имелось оружие посерьезнее местного огнестрела. Основа радостно вспыхнула, предвкушая хорошую драку, и по кончикам пальцев пробежали яркие оранжевые искорки.

– Ты что задумал? – хмуро поинтересовался Горчаков, выглядывая из-за дерева. – Весь хутор спалить хочешь?

Старик явно растерялся. Одно дело кромсать топором или магией зарвавшихся вольников в Тосне, и совсем другое – лупить атакующими заклинаниями по своим же владениям. Вряд ли Горчаков когда-то отстраивал все здесь собственно-

ручно, но все же почему-то считал себя обязанным беречь чужие дома, дровники, конюшни и еще Мать знает что, раскиданное по поляне.

Меня же подобные нюансы, разумеется, ничуть не беспокоили.

– Ну почему же весь? – ухмыльнулся я сквозь зубы. – Только часть.

На этот раз я не стал мелочиться и швыряться Огненными Шарами, а сразу зарядил тяжелую артиллерию. Факел – если верить справочнику, заклинание называлось именно так. Повинуясь моей воле, пламя вспыхнуло прямо над крышей сарая. Я слегка промахнулся, взял выше, зато энергии в заклинание вложил столько, что ярко-желтый столб пробил дранку насквозь и ушел вниз, начисто срезая угол здания и разбрасывая во все стороны горящие щепки.

Прицелься я чуть лучше – врезало бы не хуже гранатомета с реактивным снарядом, и сарай попросту сравняло с землей. Но и так получилось неплохо: крыша со стоном сложилась, здание покосилось, а бревна в две моих руки толщиной разошлись, обваливаясь. Объятую пламенем фигуру искателя вышвырнуло на улицу прямо вместе с дверью, и если внутри и был кто-то еще – стрелять он уж точно больше не мог.

– Да что ж ты творишь?! – простонал Горчаков. – Только по дому не ударь – там женщина. И дети!

И будто в ответ на его слова откуда-то со стороны хутора

послышался тонкий протяжный крик:

– Помогите! Мы здесь! Скорее, помогите! Они сейчас дверь сломают!!!

– Да твою ж мать... Пошли! – прорычал Горчаков, рывком перебегая вперед от дерева к дереву. – Хозяев спасать надо. И этих гадов я теперь живыми не отпущу!

Старик медленно запрягал, однако ехать, похоже, соби-рался быстрее некуда. Рачительному хозяину вотчины при-шел на смену матерый вояка – и уж он-то не хуже меня по-нимал, что зарвавшихся вольников следует карать незамед-лительно и, желательно, насмерть.

Без лишних разговоров.

Основа вспыхнула еще ярче, и я тоже помчался вперед, рывком сокращая расстояние до ограды хутора чуть ли не втрое. Магия внутри бурлила и просилась наружу, обещая в одно мгновение разнести по бревнышку все вокруг. И ей, конечно же, было плевать, чья именно плоть сгорит в боевом пламени. Стихия умела только атаковать.

И больше ничего. То ли я недостаточно хорошо прошту-дировал справочник, то ли дело было в самом аспекте: иде-ально приспособленном нести разрушение и смерть, но по-чти бесполезном в обороне. Магия трепыхалась на кончи-ках пальцев, стекала вниз по клинку Разлучника, рвалась в бой, наполняя тело раскаленной добела яростью, однако за-щитить меня не могла.

На помощь пришел Горчаков. Кто-нибудь другой на его

месте наверняка ухнул бы на создание магической брони целую прорву маны, но старик за свои годы научился работать с тем, что есть под рукой. Даже осенью вытягивание влаги из воздуха сожрало бы весь резерв – потому он подхватил ту, что была прямо под ногами.

Мутная вода поднялась из лужи, на глазах меня форму и застывая льдом на груди Горчакова. Сначала кираса, потом тонкие пластины на бедрах, поножи, наручи... Под конец старик не поленился отрастить даже щит чуть ли не в человеческий рост. Здоровенный треугольник с закругленными краями наполовину состоял из кусков земли, веток и мелких камушков, но с работой своей справлялся.

Когда Горчаков снес ограду хутора и напролом двинул к дому, магический лед затрещал от пуль, покрываясь трещинами и раскидывая во все стороны мелкое крошево – но держался.

– Давай за ним! – Елена забросила лук за спину и взялась за рукоять короткого клинка, висевшего на бедре. – Только не высовывайся!

Я и сам не собирался подставляться под выстрелы, однако грузно шагавшая впереди фигура изо льда и мерзлой грязи казалась слишком уж неторопливой. Горчаков стал почти неуязвим для свинца, однако даже его Дару не хватало мощи сохранить скорость, и старик понемногу замедлялся, громыхая необъятной броней.

– Быстрее, ваше сиятельство! – процедил я сквозь зубы,

выцеливая окна полыхающим в руке Огненным Шаром.

Нет, бесполезно – вольники не спешили высовываться. Они почти перестали стрелять: то ли берегли патроны для последнего залпа в упор, то ли решили сосредоточиться на двери, за которой укрылись хозяева хутора. К женскому голосу прибавились два детских, и вместе они верещали так, что закладывало уши. Время утекало, как вода сквозь пальцы, и Горчаков, наконец, заставил себя перейти на бег. Громадная фигура рванула вперед, сотрясая землю топотом ледяных сапог.

Спрятаться за живым тараном, дожждаться, пока он вышибет дверь, и уже потом ворваться следом... Нет, слишком медленно!

– Посторонитесь, друг мой!

Я нырнул под щит, едва не зацепив его макушкой, и бросился к дому – изо всех сил, как только мог. Елена выругалась, но через мгновение все-таки подцепила меня Крыльями Ветра – и ее магия сплелась с моей, буквально бросая тело вперед. Так быстро, что само время, казалось, застыло, чтобы подарить нам хоть несколько драгоценных мгновений. Ствол штуцера, мелькнувший в окне справа, неторопливо выплюнул сноп искр и пламени, и я почти увидел метнувшийся в мою сторону алый росчерк.

Пуля прошла над головой, едва не зацепив волосы, но больше никто не стрелял: я был уже слишком близко к дому. Внутри раздались шаги, и дверь со скрипом приоткры-

лась мне навстречу. Я не стал дожидаться, пока в проеме покажется рука с револьвером или штуцер, – просто выставил плечо.

Горчаков наверняка сработал бы лучше, но мое тело с лихвой компенсировало недостаток веса запредельной для обычного человека скоростью. Локоть отозвался сердитой болью, однако двери пришлось куда хуже: ветхая конструкция не просто сорвалась с петель, а буквально разлетелась на части, и я ворвался внутрь, швырнув перед собой ворох щепок и обмякшее тело вольника с арбалетом в руках.

Несмотря на изрядные размеры дома, в сенях оказалось неожиданно тесно. И темно – так, что я на мгновение почти ослеп. И скорее почувствовал, чем увидел мелькнувший впереди силуэт. Вольник поднял револьвер и щелкнул курком, но выстрелить уже не успел: клинок Разлучника сверкнул в полумраке, срезая руку по локоть. Второй удар оборвал протяжный вопль, и я переступил через рассеченное до середины груди тело и бросился вперед, к внутренней двери.

В доме меня поджидали сразу двое. Они налетели одновременно, сжимая в руках оружие, но не сделали и пары шагов. Я взмахнул свободной рукой, и от пальцев во все стороны хлестнуло пламя. Вольники, хором завопив, свалились на пол, а огненная дуга прошла по комнате дальше, разбрасывая утварь и оставляя на покрытой известкой печи черный след.

Наверняка это заклинание тоже как-то называлось, но

сейчас я сработал по наитию – просто освободил рвущуюся наружу мощь первородного пламени. Судя по шуму за спиной, Горчаков с Еленой тоже добрались до дома и теперь разбирались с теми, кто засел на веранде. Я же снова поспешил вперед – туда, где из-за громадины печи уже доносилась ругань, треск дерева и визги. Женщина кричала, призывая на помощь меня, Праматерь или хоть кого-нибудь...

Поздно.

– Стой там! – прорычал бородатый здоровяк в камуфляже, вжимая ей в висок дуло револьвера.

Я узнал голос – тот самый, который легкомысленно послал князей по известному адресу. Главарь вольников явно не блистал умом, но все же соображал получше своих покойных товарищей. Пока они безуспешно пытались остановить наделенного силой Огня Одаренного, бородач все-таки успел выбить дверь в комнату. На его щеке красовались три алые полосы: мать защищала детей, сражаясь, как дикая кошка. Она весила чуть ли не вдвое меньше своего врага, но до сих пор продолжала отбиваться – и все же силы оказались неравны.

– Отойди назад! – Бородач свободной рукой сжал горло женщины и попятился к полуоткрытой двери, ведущей на задний двор. – И брось железку – или я ей голову снесу!

Револьвер выглядел настолько ржавым и ветхим, будто полгода провалялся в Тайге. Зато калибр у него был такой, что череп несчастной хозяйки... Нет, об этом не хотелось

даже думать. Владей я местной магией чуть лучше – пожалуй, рискнул бы, но первородное пламя лишь беспомощно гудело внутри.

Я выругался сквозь зубы.

Никогда не умел работать точно. Сила, которой меня наделил Всеотец, была слишком велика, чтобы орудовать ей осторожно, как скальпелем хирурга. Сейчас, когда Основа разошлась на полную мощность, готовая в одно мгновение выдать весь доступный мне запас маны, я без труда превратил бы в пепел и вольника, и стену, и еще метров двадцать леса за хутором.

Но на пути магии стояла заложница. Бородач съежился, прячась за невысокой округлой фигурой. Она была лишь препятствием перед целью, однако я почему-то никак не мог перестать разглядывать простенькое старое платье и светлые с проседью волосы – платок хозяйка, похоже, потеряла в схватке.

На ее щеке уже расплылся здоровенный синяк, бровь кровила – явно ударили кулаком или рукоятью револьвера. Я понятия не имел, куда подевался отец семейства, но мать защищалась, как положено северянке – до самого конца. И даже сейчас глаза цвета льда смотрели на меня без страха.

– Бейте, ваше сиятельство, – одними губами прошептала она. – Ничего. Бейте, чтобы этой собаке...

– А ну замолкни, тварь! – рявкнул бородач.

И стиснул горло хозяйки так, что внутри что-то тихо

хрустнуло. Но вместо того, чтобы закрыть глаза и обмякнуть, она вдруг вывернулась и, оттолкнув сжимавшую револьвер руку, впилась зубами в запястье. Бородач выругался, нажал на спуск, и пуля со звоном разнесла чудом уцелевший горшок на столе.

Курок снова щелкнул, проворачивая барабан. Это вряд ли заняло больше секунды, но ее мне оказалось достаточно. Прыжок – и мои пальцы обхватили ржавое железо, выворачивая и ломая кисть. Револьвер с грохотом улетел куда-то в угол, хозяйка выскользнула из-под обмякшей руки, и теперь ничто больше не мешало ударить в полную сил, разом выплескивая всю бурлящую внутри ярость. Бородач неуклюже согнулся, пытаясь дотянуться до торчащей из-под голенища сапога рукояти ножа, но я снова оказался быстрее.

На этот раз меч не понадобился: мой ботинок с размаху врезался в грудь, ломая ребра. С такой силой, что тело вольника с грохотом снесло с петель дверь, вылетело во двор и, перевернувшись в воздухе, мешком повисло на ограде.

– Поделом, – выдохнул за моей спиной усталый голос Горчакова. – Собаке – собачья смерть.

Больше сражаться было не с кем, но Основа до сих пор кипела внутри. Мои чувства обострились до предела, и я сумел разглядеть, как в десятке шагов за оградой шевельнулись ветки елей и мелькнул чей-то округлый силуэт.

– Еще один!

Я одним прыжком вылетел на задний двор и помчался к

ограде. Но меня каким-то чудом опередила Елена: выскочила откуда-то сбоку и тоже бросилась к подлеску, на ходу доставая из-за спины лук. И только у самого края поляны остановилась прицеливаясь. Натужно скрипнула тетива, и стрела уже готова была сорваться в короткий полет, когда я заметил среди темной зелени белое пятно.

– Стой!

Я едва успел перехватить руку Елены.

– Что ты делаешь?! – прошипела она, снова поднимая лук. – Уйдет ведь!

– Не уйдет, – усмехнулся я. – Сейчас поймаем, не торопись.

Перемещаться неслышно беглец явно не умел – топал и пыхтел так, будто вместо него через подлесок пробиралось целое стадо сердитых таежных кабанов. Елена наверняка бы сумела выстрелить и на звук, но в этом уже не было нужды.

– Давай, – прошептал я себе под нос. – Взять, Вулкан. Взять!

Где-то в паре десятков шагов впереди отчетливо полыхнуло магией. Огненный силуэт зажегся среди елей, помчался наперерез беглецу, с дымом и треском круша ветки, и уже через мгновение с сердитым рычанием опрокинул в мох неуклюжую фигуру. Веса волчонку пока еще не хватало, но он с лихвой компенсировал недостаток габаритов старанием и силой стихии. И, судя по звукам, обрабатывал отчаянно брыкающееся и вопящее тело с таким усердием, будто собирал-

ся то ли сожрать, то ли спалить дотла.

– Все, хватит! – рявкнул я, ускоряя шаг. – Назад... Погасни!

Вулкан, разумеется, не знал ни единой команды. Но интонацию распознал безошибочно, и когда мы приблизились – тут же отскочил, будто его сдернуло с бедняги невидимым поводком.

– Ну что, набегался? – усмехнулся я.

Сначала нашему взору предстали только ноги в синих штанах и обрезанных по середину голенища грязных сапогах. Но потом кусты зашевелились, и оттуда с кряхтением выбрался мужик – видимо, хозяин хутора, которого я с самого первого выстрела так и не увидел ни в доме, ни снаружи. Выглядел он настолько жалко, что я не без труда удержался от соблазна пинком отправить его обратно в мох – еще полежать.

– Ты кто такой? – поинтересовался я, подходя ближе.

– Так это, ваше сиятельство... Дмитрий я. Еще Бобром кличут, – отозвался хозяин. И указал рукой куда-то мне за спину – в сторону хутора. – Муж ейный...

– Муж, значит? – Елена даже не пыталась скрыть презрение, звучавшее в голосе. – А чего ж побежал тогда?

– Да как тут не побежать, сударыня? – Бобер втянул голову и жалобно посмотрел на нас снизу вверх. – Если такое творится...

– А кто это такие были? Друзья твои?

Ветви елей вздрогнули от зычного голоса, а через несколько мгновений появился и его обладатель. Горчаков выглядел уставшим, но как будто не был ранен – если не считать ссадины на лбу, которую он наверняка заработал еще раньше, когда мы пробирались через лес.

– Да какие они мне друзья, ваше сиятельство?! Вольники, черт бы их всех забрал. Пришли из Тайги семеро хмырей, дверь с петель сняли, в зубы и мне, и Маришке дали – и говорят: мы теперь тут жить будем. С тебя, значит, шконки. Ну и дрова, там, попить, пожрать – а мы детей и бабу твою не трогаем. – Бобер опасно покосился на Горчакова. – И десятину князю можешь не платить.

– А ты и рад небось не платить-то, – усмехнулся я.

– Так где ее взять, ваше сиятельство? И так эти урки весь подпол сожрали, тут не то что продать нечего – самим бы ноги не протянуть!

– А чего не пожаловался? – проворчал Горчаков. – Я что – просто так в Ижоре князем сижу?

– Попробуй уйди! Как я своих оставлю?.. А попробовали бы все удрать – так от машины даже по лесу далеко не убежишь. И говорили еще всякое – дескать, у вольников главари с его сиятельством Николаем Платоновичем дружат, и он им вроде как брат и сват, а Горчаков... – Бобер прикусил язык, сообразив, что наговорил лишнего. И снова принялся вытягивать голову в плечи, но потом все-таки закончил, осторожно, чуть ли не шепотом: – Ну я и решил – пусть князь

сами разбираются.

– Ну вот мы разобрались – что легче стало? – усмехнулся я. И, присев на корточки, осторожно, но крепко прихватил Бобра за ворот майки. – Значит так, любезный, слушай меня внимательно: десятину – заплатить. И за этот месяц, и за прошлый. А если вольники сюда еще раз сунутся, скажи, что князь Костров их лично во-о-он на той сосне повесит. – Я вытянул руку, указывая на подходящее для экзекуции старое дерево. – Запомнил?

Бобер сглотнул и принялся молча кивать, изо всех сил выражая покорность, понимание и прочие присущие скромному хуторянину добродетели. Разговор, очевидно, подошел к концу, однако мне почему-то захотелось добавить еще кое-что.

– И хоть ружье себе подбери. С патронами – их небось сейчас в доме много валяется. – Я поднялся на ноги и отряхнулся. – А супругу больше не бросай. Нехорошо это.

Елена улыбнулась одними уголками рта – видимо, последний мой совет ей понравился куда больше, чем вся беседа. Мы почти одновременно развернулись и направились обратно к хутору. Горчаков зачем-то постоял еще немного, однако потом тоже двинулся следом, неразборчиво ворча что-то себе под нос.

Но не успели мы дойти до ограды, как сзади раздался жалобный голос.

– Ваше сиятельство... Господин, погодите!

Бобер уже успел подняться и теперь осторожно семенил за нами, поглядывая то на меня, то на Горчакова, то обратно в сторону чащи, где исчез Вулкан. Я так и не понял, к кому именно он обращается, но все-таки решил ответить.

– Чего тебе?

– Тут такое дело, ваше сиятельство... Сами же сказали – жаловаться если что. – На этот раз Бобер определенно посмотрел на Горчакова. – У нас тут медведь из Тайги повадился к хутору ходить. Здоровый – даже пуля не берет. Уже трех коз задрал...

Елена тихо усмехнулась. Видимо, ее тоже впечатлила наглость хуторянина. Тот не спешил клясться в верности и наверняка уже придумывал очередной способ не платить хозяину вотчины положенную десятину, однако стоило князю объявиться – тут же потребовал защиты.

Точнее, попросил – но тот явно не собирался ему отказывать.

– Ладно, – буркнул Горчаков. И развернулся в мою сторону. – Игорь, мне уже стыдно тебя просить, но не мог бы ты?..

– Мог бы. Почему бы, собственно, и нет? – Я улыбнулся и махнул рукой. – Пойдем, поохотимся на этого вашего... косолапого.

Глава 4

– Надо обратно вернуться. – Горчаков в очередной раз огляделся по сторонам и покачал головой. – К тропинке, по которой сюда шли. Может, Астра след и возьмет. Или твой этот, зубастый...

Я молча покачал головой. За последнюю пару недель наша с Вулканом связь окрепла, однако не настолько, чтобы я мог командовать таежным хищником как собакой. Он все так же жил где-то там, в лесу. Сам по себе. Не слишком близко, но уже и не так далеко. Поводок аспекта без особых усилий тянул огневолка ко мне, и ему...

Пожалуй, ему это даже нравилось, судя по тому, что именно я «слышал», когда удавалось залезть зверю в голову. Не знаю, сумел ли он таинственным образом подцепиться к магическому контуру или просто подтягивал ману из нашей связи, но энергии Вулкану хватало, и чем ближе друг к другу мы находились, тем легче она текла туда и обратно. Я терял жалкие крохи, почти незаметные – зато он становился быстрее и крепче.

В каком-то смысле это даже можно было назвать симпатией, но заставить дикого волка выслеживать добычу... Если бы Вулкан и отыскал следы медведя с аспектом Смерти, то скорее для того, чтобы держаться от него подальше.

– Уже два часа ходим. – Елена вытерла пот со лба рукавом

куртки. – Нет тут никого – иначе Астра давно б уже нашла.

Бобер говорил, что видел половину козьей туши в километре к северу от хутора. Мы облазили все в округе – и действительно, не так давно по лесу здесь болталось что-то крупное... дня этак три назад. Астра даже сумела взять след, но когда он уперся в ручей – потеряла, и снова отыскать так и не смогла.

Медведь то ли нарочно решил пройтись по дну одного из бесчисленных притоков Кузьминки, которая разделяла владения Зубовых и Горчаковых, то ли просто охлаждал гигантское тело в воде... если оно вообще в этом нуждалось.

– Ушел, наверное. В сторону лесопилки. – Горчаков вытянул руку, указывая направление. – Там следы свежие.

– Ну... Тогда и мы пойдем. – Я поправил на плече ремень трофейного штуцера. – Если что – завтра вернемся. Не в темноте же по лесу шляться.

Солнце уже понемногу скатывалось к горизонту, и я мог только догадываться, сколько еще часов осталось до заката. По прямой до лесопилки, где Горчаков оставил машину, было километров шесть, не больше, но идти через лес напролом – не лучшая затея.

Значит, сначала обратно на хутор, потом до тропинки – и дальше, в сторону реки. Даже у Одаренных силы отнюдь не бесконечны, а после драки и блужданий по лесу в поисках их осталось куда меньше, чем мне бы хотелось. Рубаха под камуфляжной курткой промокла от пота, ботинки понемногу

начинали натирать ноги, и теперь прогулка по горчаковской вотчине больше не казалась развлечением.

И вперед меня гнал уже не охотничий азарт, а разве что любопытство.

– Ольгерд Святославович, – я развернулся, не сбавляя шага, – а этот медведь вообще большой?

– Ну, судя по следу – тонны на полторы потянет. А то и на две, – хмуро отозвался Горчаков. – В холке как бы не с меня будет.

– Ма-а-ать... – протянул я. – Это что ж за страхолюдина такая?

Воображение тут же нарисовало огромную тварь с полыхающими желтым или алым глазами, которая даже стоя на четырех лапах выше человека. Только похожую не на обычного медведя, а на того, что сдох этак с месяц назад.

– Страхолюдина, – кивнул Горчаков. – И этот еще не из крупных – третий ранг, четвертый от силы.

– А какие еще бывают?

Елена поежилась. Опыта охоты в Тайге у нее наверняка было немногим меньше, чем у отца, однако с по-настоящему злобными и могучими тварями она, похоже, еще ни разу не сталкивалась. Когда-то такие еще водились у самого Пограничья, но за последние двадцать-тридцать лет княжеские дружины и вольники перестреляли всех...

Ну, или почти всех – один все-таки забрел из леса к Бобру на хутор.

– Какие бывают? Да какие угодно. – Горчаков с усмешкой пожал плечами. – Я и шестого ранга видел. С аспектом зверь долго живет. Бродит себе в Тайге да ест тех, кто поменьше, силу набирает. Иногда так вымахает, что ему уже никто ничего сделать не может. Если сам с голоду не помрет – с такой тушей охотиться тяжело.

– Это с какой? – уточнил я. – Шестой ранг... Это, наверное, уже с дом размером.

– Поменьше. Хотя – смотря какой дом. В общем, здоровая тварь. И опасная. – Горчаков чуть замедлил шаг, пропуская Елену вперед. – А быки и лоси еще больше вырастают, у них-то корм всегда под ногами. Летом трава, кусты, зимой елками и корой перебиваются. На них и не охотятся, считай: шкуру никакая пуля не берет, если только магией бить. И все равно без толку – такую тушу из леса не вывезешь.

– Быки, лоси, медведи... – начал перечислять я, – волки. Еще оленя видел. Получается, в Тайге самые обычные звери, только с магией?

– Есть и обычные. А есть такие, что один черт ведает, от кого произошли. Какие-то часто попадают, а каких-то за всю жизнь, может, всего один раз и встретишь. – Горчаков покачал головой. – Помнится, год назад вольник божился, что у Котлина озера видел змею с крыльями. Здоровенную, метров в двадцать, с лапами и когтями. И головы, говорит, – три!

– Врет, – поморщилась Елена. – Такого даже в Тайге не

бывает. Сказки это все.

– Может, и сказки. – Горчаков не стал спорить. – Так и они ж не с пустого места берутся. Народ местный на выдумку силен, но совсем уж врать не станет. Если говорит, что видел, – значит, что-то и правда было такое. Только поменьше.

– И с одной головой, полагаю, – усмехнулся я. – А вы, Ольгерд Святославович? Сами встречали что-нибудь... необычное?

– Да было пару раз. – Горчаков переступил через поваленное дерево. – Лет пять назад решил через Тайгу к Неве прогуляться. Иду и чувствую, будто тень какая-то лес накрыла – и шум сверху, будто кто-то по соснам стучит. Смотрю – а там чайка сидит.

– Чайка?!

– Чайка, самая натуральная. Только размером как бы не с корову. Клюв – во! – Горчаков изобразил руками метр с небольшим. – И в нем зубов, как у крокодила.

– А вы чего? – полюбопытствовал я. – Сбили?

Я мог только догадываться, каким именно аспектом обладала та диковинная птица, но, скорее всего, Ветром... или Льдом. Чайки всегда селятся поближе к воде и охотятся на рыбу. И магия Огня или Земли им уж точно ни к чему.

На месте старика я бы, пожалуй, не упустил возможность добавить пару пунктов к своей родной стихии.

– Да ну, куда там – сбивать. Мимо прошел, – отмахнулся Горчаков. – Нечего без надобности зверье трогать. Тайга та-

кое не любит.

Елена явно хотела что-то сказать – то ли возразить отцу, то ли наоборот – согласиться – но не успела. Откуда-то справа раздался странный шум – будто прямо над лесом мчалось что-то большое и проворное.

Тропинку на мгновение накрыла тень, и я услышал сверху шелест веток елей и негромкий низкий гул. Одновременно похожий на работу мотора – и непохожий. Местные бензиновые двигатели даже с глушителями прерывисто и громко тарахтели, а этот...

Этот работал ровно и почти неслышно. Будто огромная птица шла над верхушками деревьев на бреющем полете, понемногу выдыхая воздух из легких.

Сделанных, по-видимому, из металла. С таким звуком работают силовые установки куда более поздней эпохи, до которых местным технологиям предстоит развиваться еще сотни лет – если не тысячи. Запрокинув голову, я попытался разглядеть неведомое чудище, но оно уже скрылось за ветвями елей и улетело дальше – куда-то в сторону Тайги.

– Ну ничего ж себе. – Я только сейчас заметил, что машинально сдернул штучер с плеча, и повесил его обратно на ремень. – Кажется, вот как раз ваша чайка и пролетела Ольгерд Святославович.

– Ага. Только крылья у нее из железа. – Елена осторожно отлипла от дерева с левой стороны дороги и убрала лук за спину. – Показалось: блеснуло что-то среди веток.

– Может, рыбину в клюве несла? Чешуя на солнце сверкает – далеко видно... – задумчиво отозвался Горчаков, стряхивая с пальцев ледяные искры неиспользованного заклинания. – Хотя откуда тут большой рыбе взяться?.. До Невы километров семь.

Несколько минут мы шагали молча. Похоже, появление царь-птицы снова настроило всех на охоту, и мы смотрели в оба, следуя за Астрой. Пушистый белый хвост то и дело мелькал в лесу то слева, то справа от тропы, но след наша помощница так и не взяла. И когда вдалеке за деревьями показались крыши Бобриногo хутора, меня снова потянуло на вопросы.

– Еще и чайки, – усмехнулся я. – Пусть и огромные, и зубастые, однако вы назвали птицу именно так, верно? Значит, я все-таки не ошибся – все создания Тайги произошли от самых обычных птиц. Или зверей.

– Ну... Кто-то не от обычных. – Горчаков поморщился, будто этот разговор ему почему-то совсем перестал нравиться, но все-таки продолжил: – А кто-то и не от зверей.

Елене повернула голову так резко, что споткнулась. Зацепилась ногой за какую-то корягу и, пожалуй, даже упала бы, не успея я поймать ее за локоть.

– Это... это как? – осторожно спросила она.

– Да вот так. Когда Тайга пришла – за Невой не только ж звери с птицами летали и бегали. Там и люди жили, кто раньше на юг уйти не успел. Вот из них-то, значит, и получи-

лось... всякое. – Горчаков говорил с явной неохотой: вспоминать о подобном старики вроде него, похоже, не любили. – Лешие, кикиморы, водяные, русалки... Думаете, они только в сказках бывают?

– А разве нет? – Я пожал плечами. – Я вот что-то пока ни одного не встречал. И дядя даже не рассказывал.

– Так он сам, наверное, не застал уже. Мало таких тварей было, и их к человеку и жилью сильнее тянет – поэтому и перебили всех уж лет сто как. – Горчаков на мгновение задумался. – Может, где-то в глуши за Котлиным озером еще и попадаются, а у Пограничья давно нету.

– Так ты тоже леших не видел? – Елена чуть замедлила шаг, чтобы поравняться с отцом. – Или еще кого-нибудь?

– Я всякое видел. Такое, что и вспоминать не хочется, – хмуро отозвался Горчаков.

– Да ладно вам, Ольгерд Святославович. Мы же не дети малые. Дочка ваша, вон, уж сколько лет сама по Тайге ходит. – Я кивнул в сторону Елены. – Пожалуй, нам не помешает узнать, с чем еще можно столкнуться на том берегу Невы.

– Да откуда ж я знаю? С чем можно, с чем нельзя... – Горчаков явно уже не раз успел пожалеть, что решил поддержать разговор. – Но то, что магия в Тайге сильная, – это точно. И живого человека, меняет, и мертвого.

– Мертвого?! – Я приподнял бровь. – Это как?

– Врать не буду: сам не видел. Сейчас уже и не вспоминают про такое почти, но раньше вольники рассказывали, что за

Невой случается, что покойникам в земле не лежится.

– Я это тоже слышала, – тихо проговорила Елена. – В Тосне. Что плохая примета – у реки хоронить. А если вдруг на том берегу в Тайге человек умер, то его никак нельзя оставлять. Обязательно вывезти надо, и быстро. А уж если никак не получается, то закопать на два метра. И в голову серебряный гвоздь забить.

– Ну, это уже сказки, конечно, – проворчал Горчаков. – Где ты в Тайге гвоздь возьмешь, да еще и серебряный? Пули из штуцера хватит. Или просто голову отрезать.

Судя по интонации и выражению лицу – пасмурному и суровому, как небо в дождливый день, – старик знал, о чем говорил. И, возможно, даже сам проделывал что-то подобное с покойниками.

Впрочем, ничего удивительного. Даже сейчас, когда у Пограничья почти не осталось ни автоматов, ни древних и могучих тварей, Тайга все равно была опасным местом. И люди наверняка гибли там каждый год. Вольники – или кто-то из княжеских дружин. И если уж это случалось далеко за рекой и поблизости не оказывалось машины...

– А если не отрезать? – поинтересовался я. – Что тогда?

– А тогда, Игорек, ничего хорошего. Может, конечно, и милует Жива. Но если место поганое, если там аспект Смерти держится... – Горчаков ногой отбросил какую-то палку под ногами и направился к ограде хутора. – Тогда быть беде. Помню, мне лет семь было, его сиятельство Георгий Павло-

вич, который тогда в Сиверске сидел, с сыновьями и дружиной в Тайгу пошел. Далеко, чуть ли не за Котлино озеро. И что-то там с ними нехорошее приключилось. Половина дружины полегла, и старшего сына князь не уберег. Пропал, забрала его Тайга.

– Это из Друцких, получается? – Елена обернулась. – Я и не знала, что у Матвея Георгиевича брат есть... Был, то есть.

– Был, – кивнул Горчаков. – Александром звали. Сгинул парень. Только не насовсем... Через два года вернулся.

– Вернулся?! – хором переспросили мы с Еленой.

– Ага. Метра три ростом, голова – что твой котел, а зубы острые, как бы не вот такие – каждый! – Горчаков поднял руку, показывая два пальца, сложенные вместе. – Его только по рыжим волосам и узнали, когда охотники под Сиверском застрелили.

– Под Сиверском? – Я вспомнил карту в отцовском кабинете. – Так это ж от Тайги километров десять, не меньше!

– Двадцать с лишним. Видать, только ночами шел княжич... Будто домой возвращался. – Горчаков мрачно усмехнулся. – Мы потом уже узнали, что и у Зубовых, и у Друцких в вотчине люди пропадали.

– Получается, их Александр, – поморщился я, – того... Скушал?

– А кто еще? Явно не на траве такой здоровый отожрался. Упырь же с обычного человека получается, а если вырос – значит, много народу высосал. Видать, хитрый был, раз рань-

ше не попался. И крепкий – говорят, в него двадцать пуль засадили, чтобы упокоить.

– И ты его видел? – Елена первой подошла к ограде и распахнула калитку. – Тебе дедушка Свят показывал? Семилетнему?

– Да ну что ты такое говоришь? Упыря сразу на месте и сожгли – не хоронить же в семейном склепе такую образину... Даже гроб нигде не пройдет. – Горчаков пропустил меня вперед. – А рассказал-то дед уже потом, когда мне лет было, как Игорю сейчас, если не больше.

Я тут же представил себе картину: распростертое на земле огромное тело, в котором не осталось почти ничего человеческого. Когтистые ручищи в мой рост и непропорционально большая голова с уродливой пастью, полной здоровенных острых зубов. Почерневшая мертвая кожа, покрытая грязью, трупным ядом и засохшими пятнами крови. Чужой, не своей – вряд ли даже вся мощь аспекта Смерти могла заставить биться уже остановившееся сердце упыря.

Недобрая магия Тайги подняла лишь тело, оставив ему крупницу прежнего сознания. Но и ее хватило, чтобы оживший... точнее, не-мертвый княжич Друцкий решил вернуться в отчий дом. И медленно тащился сначала через лес, потом через реку – видимо, прямо по дну пешком – и уже после этого по дорогам, отыскивая путь в родной Сиверск. Днем забивался в какую-нибудь темную щель, а ночью снова шагал на юг. Охотился.

И жрал.

– Знаете, что-то мне после таких разговоров в лес идти не хочется, – поежилась Елена. – Вот вообще.

– Да я тоже думаю... Поздно. – Горчаков указал рукой в сторону горизонта, который понемногу начинал окрашиваться в вечерние цвета. – Через час уже темнеть начнет, а еще ехать.

– Что ж... – Я прикрыл за собой калитку. – Значит – по домам?

– Если торопишься – отвезу тебя, конечно, – вздохнул Горчаков. – Но как по мне – лучше прямо здесь заночевать. Заодно хозяевам поможем порядок навести. А на рассвете еще следы поищем – вдруг повезет. Утро вечера мудренее.

* * *

– Поднимайся, – тихо проговорил я, касаясь смятого нагрудника металлической перчаткой. – Твое время еще не пришло... Ваше время еще не пришло!

Мой голос гремел, набирая силу, и преторианцы один за другим вставали, стряхивая с брони изрубленные тела врагов. Всеотцу не было угодно наделить меня могуществом сестры, способной залечить любые, даже самые тяжелые раны. И я делал для своих бойцов лишь то, что мог: делился текущим по жилам первородным пламенем, способным поднять уже бездыханное и обескровленное тело.

Преторианцы вставали и шли в свой последний бой. Раненые, мертвые – какая разница? Они сами выбрали судьбу, согласившись отправиться со мной на Эринию. Едва ли хоть кто-то сегодня уцелеет. И пусть для всех нас бросок линкора через подпространство стал дорогой в один конец, пусть всего моего могущества не хватит спасти хоть одну жизнь, на штурм цитадели я поведу их сам, лично, как и положено командиру Легиона.

Как и положено Стражу.

Когда я подошел к воротам, все стихло. Преторианцы замедлили шаг, а потом и вовсе остановились за моей спиной. Повторители смолкли, орудия на стенах уже давно превратились в оплавленные куски металла, последняя из темных тварей погибла, смятая ботинком штурмовой брони, и сражаться у стен цитадели было больше некому.

Я сжал свободную руку в кулак и потянул на себя, будто дергая невидимую цепь, и ворота содрогнулись. Механизмы и сторожевые чары держали крепко, но через меня текла сила, перед которой не устоял бы даже самый крепкий металл. Створки со стоном выгнулись, сорвались с петель и наконец рухнули, освобождая путь.

– За мной! – Я перехватил Крушитель двумя руками, чтобы было удобнее шагать. – Во имя Отца!

Снова... Впрочем, нет. На этот раз я проснулся сам, по собственной воле. Не вывалился обратно из почти забытого прошлого – точнее будущего, – а просто открыл глаза. Буд-

то посмотрел что-то вроде крутого и запредельно дорогого фильма про кого-то другого и выключил телевизор.

И все. Шкура бывшего бастарда, а ныне сиятельного князя Игоря Даниловича Кострова приросла ко мне так крепко, что я едва ли представлял себя кем-то иным. Семья, вотчина, коровники, стройка, черт бы ее забрал... А теперь еще и охота на не совсем мертвого, но и уж точно не живого медведя-переростка в соседских владениях. И блуждание по лесу со стариком и его красоткой-дочерью.

Тот, кем я был раньше, изрядно удивился бы узнав, чем ему придется заниматься, угодив в далекое прошлое и присвоив чужую жизнь. Однако сейчас меня почему-то не покидало ощущение, что все это – не просто так. Что или провидение, или воля всемогущего Отца нарочно сплели в цепочку немислимые события и сделали так, чтобы я оказался именно здесь и сейчас.

В этом мире. На этом всеми старыми богами и Матерью забытом хуторе у самой границы Тайги. В этом ветхом сарае с дырявой крышей.

На этом сеновале.

Вздыхнув, я перевернулся с левого бока на спину и вытянулся – благо места вокруг было достаточно. Елене Бобер с супругой уступили отдельную комнату с кроватью, а сами улеглись на печи. Нам же с Горчаковым досталась веранда. Промятая узкая кушетка – ровесница самого хутора – меня ничуть не смущала, однако уже минут через пять после от-

хода ко сну я столкнулся с обстоятельствами, которые оказались сильнее могущества Стража.

Сосед. Даже в бессознательном состоянии его сиятельство Ольгерд Святославович Горчаков оставался собой – могучим таежным богатырем, словно сошедшим со страниц старинной былины о варяжских князьях. И звуки издавал соответствующие: в заросшей седым волосом широкой груди будто перекатывались огромные валуны. От грохота которых дрожали не только стекла в окнах, но и сами стены веранды.

В общем, старик храпел так, что даже после всего пережитого за день заснуть я не смог. И, проворочавшись на кушетке с полчаса, забрал одеяло и убрался в сарай, где хозяйва хранили корм для коров. На сеновале было куда прохладнее, чем в доме, – зато тихо.

Рухнув в душистое сено, я отключился моментально. Правда, ненадолго – судя по темноте снаружи, сон продлился всего несколько часов. И возвращаться почему-то не спешил. То ли я уже полностью восстановил силы, то ли сработало чутье.

Кажется, все-таки второе: сквозь стрекот цикад слышались шаги. Кто-то неторопливо шел по тропинке к сараю, слегка цепляя ногами давно не кошенную траву. Ночной гость явно даже не пытался скрываться, но рука все равно сама собой метнулась к ножнам с Разлучником...

И вернулась обратно.

– Эй... – тихо прошептала Елена. – Ты не спишь?

На фоне дверного проема я видел только силуэт. Распущенные волосы, голые коленки, ботинки и длинную, почти по колено рубаху – то ли что-то из гардероба хозяйки, то ли с плеча самого Бобра. Елена принесла с собой какой-то здоровенный сверток. Приглядевшись, я все-таки сумел разглядеть одеяло.

Видимо, не одному мне захотелось сбежать из дома.

– Ну... Теперь точно не сплю, – усмехнулся я. – Что-то случилось?

– Нет. То есть... – Елена на мгновение замялась. – Только не смейся, ладно?

– Когда где-то в лесу бродит медведь-упырь? – Я перевернулся на бок. – Не знаю, как остальным, а мне уж точно не до смеха.

– Не могу заснуть. После таких разговоров лежу, и ерунда всякая в голову лезет.

Елене не казалась чересчур впечатлительной особой, однако истории Горчакова определенно не были тем, что стоит рассказывать перед сном девушкам. Даже исходившим всю Тайгу до реки с луком вдоль и поперек.

– Кажется, что этот мертвый княжич прямо снаружи бродит? – улыбнулся я. – Или...

– Да ну тебя! – Глаза Елены сердито сверкнули в темноте. – Можно... Можно я тут посплю?

Вот так неожиданность.

– Не имею никаких возражений. – Я пожал плечами. – Ме-

ста тут хватит и на десятерых. А если вдруг кто-то решит наведаться под утро – у меня здесь штуцер и меч. И он довольно острый.

– Ну хватит уже! – рассмеялась Елена.

И швырнула одеяло на сено. На почтительном расстоянии от моего – но все же куда ближе, чем позволяли размеры сарая. Видимо, в хозяйской спальне было слишком одиноко... Или в моей шутке про мертвого княжича оказалось чуть больше правды, чем я сам мог подумать.

– Твой отец не станет возражать? – на всякий случай поинтересовался я. – Не то чтобы меня так уж волновали приличия...

– Чтобы возразить – нужно для начала проснуться. А он храпит так, что в Тосне слышно. К тому же ты кажешься порядочным человеком.

Когда Елена шагнула вперед и плюхнулась на одеяло, я ожидал услышать сухое похрустывание сена. Но вместо него раздался совсем другой звук – то ли рычание, то ли вой. Не слишком громкий, однако все же куда заметнее любого звука вокруг. И мне понадобилось несколько мгновений понять, что доносится он не от моей новой соседки по сараю, а откуда-то снаружи.

– Эй! – тихо позвал я, снова протянув руку к мечу. – Ты слышишь это?

Звук повторился и теперь прозвучал то ли ближе, то ли громче – раза этак в два. Где-то в километре с небольшим

отсюда, на самой границе обычного леса и Тайги раздавался треск деревьев и что-то... ревело.

Что-то очень большое.

Глава 5

– Слышу... – Елена приподнялась на локтях. – Медведь орет, больше некому.

– Ну уж точно не упырь-княжич. – Я рывком уселся и принялся искать ботинки. – Его сто лет назад сожгли.

– Ты... Что ты делаешь?!

– Собираюсь прогуляться.

Я вскочил, прихватив с собой меч, и сразу избавился от ножен. Руны на клинке Разлучника тут же послушно вспыхнули, озаряя ветхое нутро сарая тусклым алым светом. В голове мелькнула запоздалая мысль, что не следует разгуливать перед сиятельной княжной с голым торсом: одежды на мне было всего ничего, но я не собирался возиться и искать в доме куртку и все остальное.

Сейчас уж точно не до приличий, а в схватке с медведем-переростком помогла бы разве что тяжелая броня из кресбулата. Рубаха будет только стеснять движения. Так что хватит и штанов с ботинками – чтобы ненароком не повредить ногу, наступив на какую-нибудь дрянь в лесу.

– Ты куда?.. Стой! – Елена вскочила за мной следом. – Ночью в лес, к медведю с аспектом?!

– Я не собираюсь ждать, пока он уйдет в Тайгу. – Я шагнул к двери. – Там мы его неделю искать будем!

Судя по звукам, доносившимся издалека, полумертвый

гигант то ли охотился на крупную дичь, то ли нашел себе врага по силе и размерам. А может, просто угодил лапой в капкан и почему-то никак не мог оборвать цепь или сломать железку.

Как бы то ни было, вряд ли он собирался задержаться надолго.

– Тогда я с тобой. Одного не пущу! – Елена принялась судорожно шнуровать ботинки. – Только за луком сбегаю!

– Стрелой его не возьмешь, – буркнул я. – Штуцер возьми – у стены стоит.

Воспитанный господин на моем месте непременно потрудился бы заметить, что девушке благородного происхождения не следует носиться по Тайге в исподнем, гоняясь за некромедведем. Что куда разумнее будет остаться и предложить охоту мужчине... то есть мужчинам – и разбудить отца. И только потом без особой спешки переодеться, вооружиться, взять собаку и идти по следам, чтобы...

Но, видимо, я не был воспитанным господином. Основа внутри ожила всей мощью первородного пламени, следом за ней вспыхнуло лезвие фамильного меча, и вся мишура этикета и подобающих аристократу манер облетела с меня, как сухая шелуха с луковицы. Чутье Стража радостно предвкушало хорошую драку, и во мне снова проснулся тот, кем я был раньше.

И он уж точно плевать хотел на всякую ерунду. Изменился даже голос: в нем зазвучало то, от чего отважная и своенрав-

ная дочь князя разве что не вытянулась по струнке. Подхватила стоявший слева у двери штуцер и вышла в ночь за мною следом.

– Отца подними! – скомандовал я, торопливо шагая по тропе в сторону огады. – И бегом за мной.

Впрочем, будить никого уже, похоже, не требовалось: Аст-ра носилась по хутору кругами и лаяла так, что проснулся бы даже мертвый. Не успел я отойти от сарая, как окна дома засветились, потом за стеклом мелькнул огонек керосиновой лампы, а через несколько мгновений дверь распахнулась, и в проеме появились две фигуры.

Одна невысокая и округлая, явно принадлежащая супруге Бобра, и вторая – огромная, могучая и косматая, облепленная буграми мышц. Как и я, Горчаков выскочил на улицу в одних штанах и ботинках – однако топор, конечно же, не забыл.

– Что там такое? – громогласно поинтересовался он, спускаясь из сеней на крыльцо. – Медведь?!

– Не иначе, – отозвался я, ускоряя шаг. – Застрял где-то. Надо брать, пока обратно в Тайгу не ушел!

Я не слишком хорошо представлял, что именно происходит с силой местных тварей по мере удаления от породившей их магической стихии. Однако чувствовал, что прикончить гиганта будет куда проще здесь, у хутора, пока обычный лес не сменился наполненной дармовой маной растительностью. Тайга пополнит и мой резерв, однако мощь медведя там воз-

растет многократно. А то и подкинёт косолапому каких-нибудь убийственных способностей вроде огненного дыхания оленя – только с поправкой на принадлежность.

Формально Смерть считалась базовым аспектом, таким же, как Ветер Елены и мой Огонь, но что-то подсказывало: убойная сила у звериных фокусов может оказаться такая, что не спасет даже ледяная броня Горчакова.

– Быстрее! – рявкнул я, переходя на бег. – Уложим тварь!

Старик громыхал ботинками где-то за спиной, понемногу отставая, зато Елена пока держалась рядом. Воздушная стихия без труда несла ее над землей. И помогала не только хозяйке: не успел я сделать и десятка шагов к ограде, как за спиной будто раскрылись огромные невидимые крылья, и бежать тут же стало втрое легче. Привычная тяжесть меча исчезла, превращая почти метр кресбулата и зачарованной стали в пушинку. На мгновение я даже перестал чувствовать вес собственного тела.

И, оттолкнувшись обеими ногами, взмыл в воздух: тратить время на поиски калитки показалось непозволительной роскошью.

Теперь, когда Ветер раздувал горящее внутри первородное пламя, я двигался быстрее всех. За оградой хутора даже Елена чуть отстала, а Горчаков и вовсе затерялся где-то позади. Старик, кажется, кричал что-то, но мы уже не слушали – охотничий азарт гнал нас на рев медведя.

Судя по звукам, тому приходилось несладко: в полном

гнева утробном рычании то и дело проскакивали высокие ноты, больше похожие на визг. Не закладывай от них уши, я бы, пожалуй, даже назвал их жалобными. С кем или чем бы ни столкнулся в лесу медведь – оно явно оказалось ему не по зубам.

Не помогла даже магия Смерти. Я почти физически чувствовал, как аспект пульсирует где-то там, впереди, но отголоски чужой силы с каждым толчком затухали. Резерв почти опустел, а последняя попытка выдавить хоть немного маны и вовсе закончилась неудачей.

Но сама магия не исчезла – просто сменила окрас. К тяжелому и неприятно липкому ощущению, порожденному аспектом Смерти, примешивалось что-то еще. Тоже древнее и могучее, однако полностью лишённое привкуса любой из стихий. Я не чувствовал ни Огня, ни Льда, ни Ветра... ни Жизни, которую неплохо успел изучить, проживая под одной крышей с целительницей третьего ранга.

Эта сила не принадлежала ни одному из известных мне аспектов. Чистая энергия не билась, подобно сердцу, а будто текла равномерно, лишь изредка взрываясь импульсами, от которых начинали ныть зубы во рту.

И чем ближе мы подбирались к источнику шума, тем больше набирало мощь это странное чувство. И тем тише звучал рев раненого медведя. Тварь то ли была на последнем издыхании, то ли наконец разделалась с загадочным противником и теперь без особой спешки уходила с поля боя об-

ратно в Тайгу, чтобы залечить раны и вернуться.

– Нет уж, постой, дружок, – прорычал я себе под нос, ускоряя шаг. И тут же натянул невидимый поводок. – Вулкан, ко мне!

Огневолок сердито отозвался целым ворохом эмоций: раздражением, злостью, охотничьим азартом попеременно с недовольством... Где-то на задворках сознания промелькнул кое-как сформированный из запаха и силуэта образ оленя – похоже, зверь уже несколько часов гнал свою собственную добычу. На мгновение меня даже захлестнул чужой страх: связь работала в обе стороны одинаково, и умница Вулкан сообразил, на кого собираюсь охотиться я. И тут же огрызнулся, упираясь изо всех сил.

Перспектива попасть в лапы медведю весом в две с половиной тонны его явно не обрадовала.

Я со вздохом отпустил поводок: волк был слишком далеко и все равно не успел бы мне на помощь. Так что пришлось полагаться на свои силы, которых, впрочем, пока хватало. Обычный человек бежал бы километр по ночному лесу минут десять, не меньше, однако мы с Еленой управились втрое быстрее.

– Сюда! – Я свернул с узкой тропинки в чащу и поднял сияющий меч повыше, чтобы хоть как-то осветить путь. – Мы уже близко!

Возня за деревьями уже затихала, и медведь больше не трещал сломанными ветками и не источал мощь аспекта

Смерти, но теперь меня куда надежнее вел по его следу запах. И не только: обломанные ветки, примятая трава и толстые стволы деревьев, перепачканные темной вонючей жижей, явно указывали, что здесь не так давно прошло что-то огромное, могучее...

И не совсем живое.

– Астра! – крикнула Елена, оглядываясь по сторонам в поисках собаки. – Ищи!

– Полагаю, это уже ни к чему. – Я указал пылающим острием Разлучника вперед. – Наш друг уже никуда не убежит.

Деревья расступились, и мы оказались на небольшой просеке. Которая то ли была тут уже давно, то ли появилась, пока медведь сражался с неведомой угрозой. И я скорее поставил бы на второе – слишком уж много вокруг было деревьев, обломанных на высоте примерно мне по пояс. Ветки и кроны валялись на земле повсюду, и их оказалось так много, что я не сразу сумел разглядеть огромную тушу в двадцати шагах.

Медведь оказался чуть меньше, чем говорил Горчаков, но все равно куда крупнее обычного. Покрытый темным, почти черным мехом, он скорее напоминал небольшой холм, чем живое существо, – и был таким же неподвижным. Когда я подошел чуть ближе, зверь не шевельнулся. Не знаю, дышал ли он раньше, во время оборвавшейся минуты или две назад не-жизни, однако теперь застыл окончательно.

– Астра! – Елена жестом подозвала собаку и, потрепав по

холке, указала рукой туда, откуда мы примчались. – Давай к отцу! Приведи его сюда.

Белое пятно тут же сорвалось с места и затерялось среди деревьев. Видимо, Астре и самой не слишком-то хотелось оставаться здесь: огромный таежный хищник даже в смерти выглядел жутковато. Остекленевшие глаза светились желто-оранжевым, отражая пламя на клинке Разлучника, а зубастая пасть все еще скалилась в бессильной злобе, словно злость никак не хотела покидать огромное тело... Но сделать уже ничего не могла.

Что бы тут ни случилось, свой последний бой медведь проиграл.

– Мать милосердная, – простонала Елена за моей спиной. – Как же от него пахнет...

– Не слишком приятно, – усмехнулся я, опускаясь на корточки. – Хотя меня куда больше интересует, отчего наш друг издох. Точнее – кто или что могло прикончить такого здоровяка.

Судя по размерам, шкура у косолапого была толщиной в два моих пальца, а череп не пробила бы даже пуля из штуцера. мех, пусть и облезлый, наверняка неплохо защищал его и от любого оружия, и от зубов и когтей какой-нибудь безумной твари, которой хватило бы отваги напасть на хозяйина Тайги.

Но сегодня это ему не помогло.

– Что за создание могло сделать такое? – Елена указала

стволом шуцера на шею и бок медведя. – Будто топором кромсали.

Действительно, раны мало походили на укусы или рваные борозды, которые обычно оставляет природный арсенал хищников. Длинные разрезы на шкуре скорее напоминали следы клинка, а продолговатой формы отверстия с обожженными краями и вовсе выглядели почти как дырки от пуль... Только калибром чуть ли не с мою голову.

Я поморщился, представив, что ждало бы нас с Еленой, успеи мы промчатся через лес чуть быстрее. Судя по количеству ран, запас живучести у медведя был просто немыслимый. Одно или два таких попадания угробили бы любое обычное животное, но этот держался несколько минут. И, видимо, добивать его пришлось уже в ближнем бою – судя по метровым порезам и ранам треугольной формы, явно оставленным каким-то колющим оружием.

Кто бы ни прикончил медведя, встречаться с ним мне не хотелось совершенно.

– Надеюсь, это чудище не сидит где-нибудь поблизости. – Елена нервно усмехнулась. – И не ждет, чтобы...

Заговори она на мгновение позже – я не повернулся бы на голос. И не успел бы заметить, как в полусотне шагов где-то среди верхушек деревьев вспыхнули два алых глаза. И вместе с ними ожила магия – не аспект Смерти, а та, другая, лишенная цвета. Когда от сосны отделилась огромная тень, я снова услышал тот же самый звук, что и днем. Будто пря-

мо над моей головой заработал двигатель, которого здесь не могло быть по определению.

Разум пытался хоть как-то переварить происходящее – и пока не мог. К счастью, тело неплохо работало и без его участия: выпустило рукоять меча и одним прыжком опрокинуло Елену в траву. За мгновение до того, как гигантская птица пролетела над нами, с негромким лязгом зацепив тушу медведя кончиком крыла.

По голой спине пробежало тепло – но не то, что могло бы исходить от живого существа. И Основа, и тело ощутили одно и то же: источник энергии, которая нисколько не походила на уже привычную и понятную силу аспектов. Она работала внутри огромной крылатой твари, однако в воздух птицу поднимала не магия, а что-то куда более... технологичное.

– Может, все-таки слезешь с меня? – поинтересовалась Елена.

– А?.. Да, конечно. – Я послушно перекатился в сторону, прихватив по пути выброшенный меч. – Ты слышала это?!

Вряд ли моя спутница имела хоть какое-то представление об импульсных планетарных двигателях, но глухой металлический лязг, с которым двигались гигантские крылья, не пропустил бы и глухой.

– И даже видела, – отозвалась Елена, поднимая с земли штуцер. – Это автоматон! Летающий!

– Ага. – Я прищурился, впиваясь взглядом в темное небо над лесом. – Спорим, эта штуковина сейчас идет на второй

заход?

– Тогда погаси свою железку! – Мне в бок вдруг впился острый локоть. – Мы тут как на ладони!

Действительно, я стоял на открытом месте, и сенсоры металлической птицы – или что там у нее было вместо глаз? – наверняка могли засечь полыхающий клинок Разлучника хоть с километра, хоть с трех.

Стоило мне перестать подпитывать маной чары, как магический огонь потух, и все вокруг погрузилось во тьму. Такую густую, что я сразу заметил вдалеке две алые точки. Металлическая птица возвращалась, описав круг над лесом. Шла ровно, едва шевеля крыльями, и только звук скрытого где-то в теле, точнее в корпусе, двигателя становился все громче.

– Видишь? – поинтересовался я, убирая свободную руку за спину и собирая ману на кончиках пальцев. – Попасть сумеешь?

– Еще спрашиваешь, – усмехнулась Елена, поднимая оружие.

Я хотел было посоветовать подпустить автоматон поближе, чтобы взять на прицел сенсор или не защищенное броней брюхо, но не успел. Ствол штуцера с грохотом подпрыгнул вверх, и левое крыло птицы лязгнуло, рассыпая искры. Черный силуэт на мгновение зарыскал в воздухе, но тут же вернулся на курс и даже прибавил скорости. Он мчался прямо на нас, и теперь я сумел если не рассмотреть его в подробностях, то хотя бы оценить габариты.

Не такие уж и монструозные – похоже, автоматон справился с медведем исключительно за счет вооружения. Случись им сразиться на земле, косолапый наверняка задавил бы его грубой силой и весом – раз этак в пять больше. Узкое металлическое тело даже с головой и хвостом было всего в два моих роста длиной. Зато крылья оказались огромные: метров семь размахом, не меньше – другим бы просто-напросто не хватило подъемной силы нести столько стали, кресбулата и хитрой электроники.

– Крепкий, зараза! – выругалась Елена, дернув скобу штуцера. – Сейчас я его...

Я тоже не стоял столбом. Брошенный мною Факел прочертил темное небо и уже почти впился автоматону между крыльев, когда тот вдруг заложил вираж и, крутанувшись по оси, увернулся. И тут же рухнул вниз, к верхушкам – видимо, неведомые конструкторы заложили в электронные мозги птицы хитрые маневры.

И кое-что покруче. Металлическая пасть раскрылась в беззвучном крике, и глотка вспыхнула фиолетовым, освещая зубы, грудь и плечи. Раздался пронзительный вой, который на секунду завис на одной ноте – и потом вдруг взвился на пару октав и сорвался в тонкий писк.

Почти ультразвук.

Сначала делать – думать потом. Я сгреб Елену в охапку вместе со штуцером и рывком оттащил в сторону. Вовремя: автоматон дернул головой и выплюнул раскаленный сгусток.

Тот на бешеной скорости метнулся к земле, срезал по пути ветку с какого-то дерева и с оглушительным шлепком вошел в мох, оставив аккуратную продолговатую дыру с оплавленными краями.

Прямо как на медведе.

– Бежим! – рявкнул я, схватив Елену за руку. – К деревьям! Или он нас до костей сожжет!

Глава 6

Маны в резерве пока еще хватало, однако драться с крылатой машиной смерти на открытом пространстве было бы несусветной глупостью. Не знаю, откуда у нее внутри взялось что-то подозрительно похожее на плазменную пушку, но автоматон сумел заплевать своей дрянью даже медведя-переростка с его толстенной шкурой.

Нам же с Еленой хватило бы одного заряда на двоих, и я не собирался ждать, пока чертова тварь заложит еще один вираж и пристреляется.

– Давай сюда! – Я срубил Разлучником то ли упавший ствол, то ли ветку, преграждавшую путь обратно в лес. – Там он нас не достанет!

У птички, впрочем, явно имелось другое мнение на этот счет: на этот раз она не стала выписывать круги над Тайгой, а с лязгом и гулом сервоприводов сложила крылья и спикировала вниз, разворачивая шею и выдавая нам вслед сразу три полыхающих сгустка. Два ушли под землю, а третий с шипением унесся куда-то в лес, оставляя за собой дымящиеся ветки.

– Да когда ж ты уймешься! – прорычал я, почти наугад кидая один за другим несколько Огненных Шаров.

На этот раз заклинание получилось почти без усилия, и я легко выдал бы еще штуки три-четыре. Правда, толку в

этом не было никакого: автоматон снова нырнул вниз и, почти коснувшись земли металлическим брюхом, ушел от атаки. Но вместо того, чтобы снова взмыть в небо, промчался почти до самого леса, а там сложил крылья и с громким лязгом остановился, будто налетев на какое-то препятствие.

– Сломался, что ли?.. – проворчал я, силой усаживая Елену за огромное поваленное дерево.

Не повезло: на земле автоматон, конечно, потерял скорость, но все же перемещался вполне уверенно. Шаггал сначала на двух нижних конечностях, а потом и на четырех – в сложенном виде крылья вполне заменяли ему лапы. Среди деревьев птице явно было тесновато, однако она все равно упрямо перла вперед, с треском ломая кусты и молодые деревца.

После нашей «перестрелки» со всех сторон догорали и тлели ветки, и света оказалось достаточно, чтобы разглядеть длинную изогнутую шею, голову с алыми огоньками сенсоров и зубастый клюв, перепачканной черной кровью некромедведя.

Металлическая птица будто выползла прямо из преисподней и теперь с лязгом вертелась из стороны в сторону. Так близко, что я слышал жужжание сервоприводов и тихие щелчки диафрагмы, с которыми работали электрические глаза твари. Они искали добычу.

И нашли.

Я запоздало сообразил, что сенсоры автоматона наверня-

ка умели переключаться и в инфракрасный диапазон, и еще черт знает в какой – и в темноте тварь видела ничуть не хуже, чем, днем. Сервоприводы натужно завизжали, и она рванула к нам с такой скоростью, что я еле успел швырнуть Огненный Шар. Пламя ударило в голову, растекаясь по броне, но особого вреда, похоже, не нанесло. Несколько сотен килограмм металла обрушились на наше укрытие, и меня отбросило и протащило спиной по мокрому мху.

К счастью, автоматон хотя бы перестал плевать плазмой. Вместо этого он уже без особой спешки перелез через дерево и направился ко мне, явно собираясь закончить все раньше, чем я поднимусь на ноги.

– Давай, иди сюда, – прорычал я, отводя руку с мечом назад. – Ближе...

Не так уж сильно этот механизм отличался от упокоенного мною Паука. Сверху тело автоматона закрывала почти неуязвимая броня, однако шею и брюхо неведомые конструкторы сделали из обычного металла. Один удар – и зачарованный клинок выпотрошит птичку...

Я уже примеривался, как бы вогнать Разлучника по самую рукоять, когда где-то слева громыхнул выстрел, и один из сенсоров автоматона потух, разлетаясь стеклянной крошкой. Автоматон неуклюже дернул головой и тут же развернулся и рванул к Елене.

– Стой!

Я едва успел полоснуть мечом по крылу, но без толку:

видимо, металлическое чудище сменило приоритет цели, посчитав человека с огнестрелом более опасным, и теперь настырно ломилось в темноту, которая сердито огрызалась грозным лаем штуцера.

– Держись! – заорал я, одним прыжком поднимаясь и снова зажигая меч.

Тварь копошилась в паре десятков шагов, звонко лязгая зубами и пытаясь протиснуться между стволами сосен. Те трещали, но пока держались, будто нарочно цепляясь ветвями за сложенные крылья. Елена сумела заманить автоматон в ловушку, однако и сама застряла там, в крохотной низине.

И, судя по звукам, дела у нее шли так себе. Выстрелы стихли, сменившись сначала глухими ударами, а потом оглушительным хрустом, криком и лязгом. Прорвавшись сквозь густую и колючую хвою, я увидел шею и голову твари, которая, шелкая зубами, изо всех сил тянулась к расprostертой на земле фигурке. Елена кое-как отбивалась тем, что осталось от штуцера, и пыталась отползти, но то ли зацепилась за что-то полой рубахи, то ли просто завязла ногой в трясине.

Основа вспыхнула, разом сжигая чуть ли не половину резерва, и время будто замерло. Шаг, второй, толчок – и я взмыл в воздух, на лету поднимая меч над головой обеими руками. Нечего было и думать выцелить в такой суете уязвимое место на боку или шее автоматона – пришлось полагаться лишь на силу Стража.

И она не подвела. Разлучник вспыхнул так, что на мгнове-

ние даже стало больно глазам, и с лязгом опустился на брону. Во все стороны брызнули искры и капли расплавленного кресбулата, и металлическая плоть не выдержала. Голова автомата отделилась от шеи и, перевернувшись в воздухе, с шипением упала на влажный мох. Тело дернулось назад в запоздалой попытке избежать удара. Жалобно взвыло сервоприводами, раскинуло крылья во всю ширь, ломая деревья вокруг, и наконец рухнуло.

– Матьер милосердная, – прошептала Елена, – неужели оно все-таки сдохло?

– Отключилось, – зачем-то поправил я. – Так или иначе – летать эта птичка уже не будет.

Теперь, когда бой закончился, усталость навалилась так, словно мне на плечи вдруг повесили набитый кирпичами рюкзак. Чужая магия больше не подпитывала тело, и Разлучник вдруг встал втрое тяжелее.

Елене тоже досталось: она не сразу смогла подняться – даже когда я протянул ей руку. Ноги дрожали и подгибались, а одна и вовсе оказалась босой – наверное, ботинок остался где-то в трясине. Или потерялся еще раньше, когда мы носились по лесу, уворачиваясь от сгустков плазмы.

– Выгляжу, как... не знаю. – Елена покрутила головой, рассматривая себя со всех сторон. И, видимо, хотела придумать подходящее сравнение, но так и не сумела. – В приличный дом меня бы точно не пустили.

– Да какая разница? По-моему, все в порядке, – усмех-

нулся я.

И тут же прикусил язык: уж больно двусмысленной получилась фраза.

Из одежды на Елене был только ботинок и рубаха. На несколько размеров больше, чем нужно, с разорванным воротом и намокшая от воды и пота так, что ткань плотно липла к телу, не оставляя воображению никакого простора. В голове промелькнула запоздалая мысль, что я вполне мог бы уже и погасить огонь на мече, вместо того чтобы стоять и пялиться.

Что со мной вообще происходит? Будто девчонок никогда не видел...

– Я бы с радостью предложил тебе что-нибудь из своей одежды. – Я усилием воли заставил себя отвернуться, старательно изображая смущение. – Но, как видишь...

– Ты ранен! – Елена шагнула вперед и коснулась моей груди кончиками пальцев. – Не больно?

Я только сейчас заметил, что вся левая рука до локтя перепачкана в крови, которая натекла из небольшого пореза чуть левее ключицы. То ли дотянулся клюв автоматона, то ли я сам напоролся на какую-нибудь деревяшку, пока носился по лесу.

– Мать милосердная... сейчас! – Елена чуть наклонилась и решительным движением оторвала от низа рубахи длинную полоску ткани. – Я тебя перевяжу.

Не то чтобы я так уж нуждался в срочной медицинской

помощи, однако возражать, ясное дело, не стал. И послушно застыл, размышляя, что оказалось приятнее – прикосновения прохладных рук или сам факт, что Елена готова так носиться с моей царапиной.

В таком виде нас и застал Горчаков.

– Уже управились, значит... – пробасил он, раздвигая плечами ветки молодых елочек. – За вами не угонишься.

Старик дышал так, будто в его груди работали кузнечные меха. Даже в свои семьдесят с небольшим он мог похвастать необычайной физической силой и мощью Дара и, пожалуй, в схватке вполне сумел бы уложить на лопатки и меня, и дядю. Однако для забегов по лесу его тело явно уже не годилось. Втроем мы наверняка разобрались бы с бронированным летуном куда быстрее, но...

В общем, как вышло – так вышло.

– И тут меня опередил, – усмехнулся Горчаков, разглядывая обезглавленного автоматона. И тут же повернулся к Елене. – А ты куда полезла? Носится по лесу в одной рубашке... Нет бы меня подождать! Никуда бы ваш медведь не делся.

За дочь старик явно переживал куда сильнее, чем за меня. Неудивительно: она прекрасно умела охотиться в Тайге и читать следы, но для боя со зверем четвертого ранга или закованной в броню из кресбулата зубастой птицей этих талантов, пожалуй, было бы недостаточно.

– Совсем у тебя страха никакого нет... Вся в мать! – Горчаков без особых церемоний оттеснил меня и взял Елену за

плечи. – А если бы прибила тебя эта дрянь?

Я вдруг подумал, что старик так распереживался вовсе не из-за опасности. Точнее, не только из-за нее: жизнь на Пограничье уже давно приучила его, что однажды любимая и единственная дочь может не вернуться с охоты. Но увидеть Елену, которая выходит со мной из сарая в одном исподнем...

Да уж, неловкий момент.

– Не хотелось бы вас прерывать. – Я легонько пнул носком ботинка отрубленную голову автоматона. – Но, может, кто-нибудь потрудится объяснить, что это за штуковина и откуда она?

– Пальцекрыл это. – Горчаков с явной неохотой развернулся к поверженному чудищу. – Из Тайги прилетел – откуда ему еще взяться?

– Пальце... что? – переспросил я.

Никаких пальцев я у автоматона не разглядел. Может, они и присутствовали на засевших во мху нижних конечностях, однако верхние напоминали... собственно, крылья. Похожие на птичьи, с той только разницей, что вместо перьев их покрывали узкие металлические пластины. Несущую конструкцию явно сделали из кресбулата, но основным материалом был другой металл. Тоже серебристый, но тусклый, слегка потемневший от времени.

Скорее всего, какой-нибудь сплав алюминия или что-то ему подобное.

– А ты посмотри, как у него тут все устроено. – Горчаков присел на корточки, обеими руками взялся за кончик огромного крыла и подтянул его чуть поближе, разворачивая. – Сверху деталь идет, она как кость с суставом. А дальше – вот что. Считай, вроде нашей руки, только здоровенная.

Я поднес светящийся меч чуть поближе и наконец смог как следует рассмотреть конструкцию. Она действительно повторяла анатомию крыла, только не птицы, а, скорее, летучей мыши: разделенные пластинами сочленения «росли» из одного места и правда были чем-то вроде пальцев длиной в несколько метров. А один – обычного размера с острым когтем на конце – торчал из конечности вверх. Автоматон наверняка использовал его, чтобы держаться на деревьях и скалах... или полосовал медведя, когда закончился заряд в плазменной пушке во рту.

То есть в клюве.

– Ага, вижу. – Елена подняла руку с растопыренными пальцами. – Его поэтому так и называли. Ты раньше встречал?..

– Только в музее видел. В Новгороде, – ответил Горчаков. – Его отец князя Белозерского сбил лет сорок назад. А больше с тех пор и не попадались, иначе уже по всему Пограничью слухи бы разошлись. Пауки, Гончие, Беркуты, Ходячие – эти еще встречаются иногда за Невой, говорят, правда, нерабочие по большей части. Лежат себе, ржавеют... А таких здоровых, как Палецекрыл, давно уж нет. Видать, всех

успокоили.

Судя по количеству наименований, металлической фауны в Тайге когда-то было немногим меньше, чем зверья с аспектами. Но деятельные и отважные предки нынешних князей Пограничья не зря ходили за реку со своими дружинами. За прошедшие со времен конунга Рерика столетия поголовье автоматов изрядно сократилось, и до наших дней в исправном виде дожили лишь немногие – и те, похоже, встречались все реже и реже.

Настолько, что в библиотеке военного госпиталя не нашлось ни одной книги, в которой присутствовало бы хоть что-то похожее на нормальную классификацию или описание.

– Ну, видимо, не всех. – Я еще раз окинул взглядом распростертую среди деревьев огромную металлическую тушу. – Знать бы, где они еще водятся...

– Где-то... где-то да водятся, выходит. – Горчаков развел руками. – Тайга большая, а люди уж давно дальше Котлина озера на север не ходят. И одним богам известно, что там за ним. Может, и Пальцекрылы летают...

Насчет «не ходят» я бы, пожалуй, поспорил – Зубовы не просто так отгрохали целый форт на том берегу Невы. Их дружина явно привезла три мешка деталей из кресбулата с севера. И если там еще сохранились исправные автоматы... Воображение тут же нарисовало что-то вроде усеянных гнездами скал, где Пальцекрылы высиживают блестящие ме-

таллические яйца, из которых...

Уж не это ли место искал отец?

– Странные дела творятся. Разбудили Тайгу – и не к добру разбудили. Жили себе без этих летунов тихо-спокойно – чего бы и дальше не жить? Ладно Одаренному князю, а обычному человеку – что с такой тварью делать? – Горчаков кивнул, указывая на гигантское крыло. – Я слышал, что Пальцекрыл еще и на расстоянии огнем плюется.

– Плюется, – закивала Елена. – Еще как!

– У него вот здесь, – я снова коснулся головы автоматона носком ботинка, – в клюве, то есть, сопло какое-то стоит. Оттуда и выдает. Только не совсем огонь, а...

На этом месте я запнулся и смолк, подбирая слова. Терминов, которые обозначали что-то хоть отдаленно похожее на генератор плазмы и низкочастотный эмиттер, в местном языке попросту еще не было, а лезть в теорию с магнитными полями и ионизированным газом не позволяли уже мои собственные познания.

Я, в конце концов, Страж, а не ученый! Меня учили убивать всяких необычных тварей – но уж точно не разбираться, как они устроены.

– Не огонь, а дрянь какая-то горючая, – пришла на помощь Елена. – Летит быстро, а если попадает – остается дырка с кулак. Медведю шкуру на раз прожигает.

– Занятная, значит, штукавина... – задумчиво проговорил Горчаков, снова усаживаясь на корточки. – Вскрыть бы

его – да посмотреть, как там все устроено. Только это место подходящее нужно.

Старик будто прочитал мои мысли. Я и сам уже давно подумывал, как бы добыть более-менее целого автоматона, чтобы утащить его в Гром-камень и там разобрать до винтика. Осторожно, без особой спешки – а не лупить кувалдой, как Жихарь Паука.

– Место? А у меня такое как раз есть. – Я тут же вспомнил про кузню с первородным пламенем и оружейную, где уже сотню с лишним лет спал укрытый брезентом волот. – И инструмент подходящий найдется. Только как мы такую махину из леса вытащим?

– Как?.. – Горчаков запустил пятерню в седые космы, задумавшись. – А так и вытащим. Машина есть – от вольников осталась. Я ее, как рассветет, аккуратно подгоню, а потом втроем с Бобром как-нибудь в кузов закинем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.